

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему «Средства выражения оценочности в медиатексте»

Студент(ка)

Н.Л. Чебоксарова

Научный
руководитель

д-р. фил. наук, проф. И.А. Измestьева

Допустить к защите

И.о. заведующего кафедрой канд.пед.наук, доцент

М.Г. Соколова _____

« _____ » _____ 2017 г.

Тольятти 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЭМОТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	10
1.1. Семантические и текстообразующие признаки оценочности.....	10
1.2. Лингвостилистические признаки оценочности в медиатекстах.....	27
1.3. Языковые средства выражения комического.....	31
ГЛАВА 2. ЯВНАЯ И СКРЫТАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ В МЕДИАТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСОВ.....	39
2.1. Методология лингвистического анализа текста.....	40
2.2. Эксплицитные и имплицитные признаки оценочности в медиатекстах религиозного дискурса.....	44
2.3. Эксплицитные и имплицитные признаки оценочности в медиатекстах политического дискурса.....	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	86
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	90

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время существует мнение, что проблема интерпретации и оценки явлений уже достаточно изучена, но это не может быть верным на том основании, что эти термины осмысливаются и кодифицируются не только в научном понимании (с его однозначностью и объективностью), но и в обыденном сознании. Сложность, многослойность человеческого мышления, в котором происходит постоянное противоборство рационального и чувственного, как коллективного (национальная картина мира), так и индивидуального, оставляет для исследователей еще больше вопросов, чем ответов. Явления в ходе речемыслительной деятельности в коммуникативном плане содержания и выражения трансформируются в дискурсы, создавая многомерное пространство для содержательно-концептуальной информации. Наиболее «деликатными» и неоднозначными являются политический, конфессиональный, национальный и некоторые другие виды дискурса. Подобные тексты являются вторичными по своей природе, так как интерпретируют происходящие явления и события (первичное). Возможность публичного дискурса в настоящее время не является прерогативой определенных групп людей, объединенных по своему социальному статусу и профессиональной компетенции. Практически неограниченный доступ к любым источникам информации, наличие различных площадок в сети Интернет для выражения своего мнения позволяют вести дискурс на любом уровне с помощью реализации всех коммуникативных ресурсов, находящихся в конкретном языке. Особым видом воплощения речевого материала является медиатекст, существующий в веб-пространстве и обладающий рядом отличительных характеристик от стандартного публицистического текста, в частности, любой пользователь, находящийся в процессе Интернет-коммуникации в силу своей когнитивной

базы может стать создателем или критиком той или иной модализованной информации в виде медиатекста.

Мнение по своей природе содержит субъективно-модальное видение объекта (явления, процесса) и отображает этот объект с точки зрения тех качеств и свойств, которые обнаруживаются различными субъектами по различным мотивам познавательной и информационной деятельности вне зависимости от социального и профессионального положения субъекта оценки. Вторичная интерпретация существующего явления приобретает форму высказывания, внутри которого по своей природе заложена модальность, – индивидуальное проявление человеческого фактора в языке, что трактуется как описание факта и одновременно оценка какого-либо факта. А любой текст как порождение речемыслительной деятельности обладает интенцией, суггестивным и эмотивным компонентами, что заключает в себе конфликтогенный характер, и чем сильнее оценка относится к событиям или объектам, имеющим ценностный характер, тем острее будет восприниматься эта оценка.

Проблематика модификаций дефиниций, языковых средств выражения культурного кода от поколения к поколению, неустойчивых стереотипов, ментальности членов социума оставляет большое пространство для бесконечного количества исследований бесконтрольного и самоорганизованного явления под названием *оценка происходящих событий* не только в строго лингвистическом аспекте, но и с обязательным привлечением и интеграцией с другими дисциплинами, входящими в так называемые «когнитивные науки»: лингвистика, социология, психология, биология, лингвистическая антропология и др.

Методологической базой настоящего исследования выступили труды по проблеме выражения оценочности в тексте. Например, работы Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1981, 1987, 1988] посвящены классификации видов оценки, разграничению оценки и факта, рассмотрению предложения с точки зрения его семантической функциональности; Е.М. Вольф определяет

лексико-грамматические признаки функциональной семантики оценки и подробно описывает шкалу «хорошо-плохо» [Вольф 2006]. Также оценке посвящены работы Ю.С. Волобуевой [Волобуева 2014], А.В. Головановой [Голованова 2005], М.А. Егоровой [Егорова 2014], О.В. Кашкиной [Кашкина 2006], Т.В. Чернышовой [Чернышова 2002] и др.

И.Р. Гальперин предлагает не ограничиваться семантикой предложения, а сделать текст объектом лингвистического исследования, используя понятия «контекста», «интертекстуальности», «пресуппозиции», «пропозиции» и др. [Гальперин 2007]. Подробно изучают компоненты текста Е.М. Вольф [Вольф 1998], В.А. Звегинцев [Звегинцев 1976], И.М. Кобозева [Кобозева 2007], Е.В. Падучева [Падучева: электр. ресурс] и др. Применение теории речевых актов, рассмотренной И.М. Кобозевой [Кобозева: электр. ресурс], важно для лингвистического анализа текста, так как адресант зачастую имеет какое-либо намерение и ждет его реализации. Другие работы, посвященные этой проблеме принадлежат Е.В. Падучевой [Падучева 1985, 2008], Н.А. Рубакину [Рубакин 1972].

Известны труды по исследованию феномена медиатекстов Н.А. Кузьминой [Кузьмина 2011], М.Ю. Казак [Казак: электр. ресурс], которые рассматривают специфические черты и подходы к исследованию такого рода текстов. В силу общедоступности и неконтролируемости медиаинформации возникает потребность в изучении конфликтогенного потенциала. Область лингвоконфликтологии (юрислингвистики) является относительно молодой отраслью лингвистики, но ее актуальность определила количество вышедших монографий и научных журналов, в которых вслед за функционально-прагматическим подходом преобладает семантико-когнитивный подход. Известны работы таких ученых, как А.Н. Баранов [Баранов 2013], К.И. Бринев [Бринев 2009], Н.Д. Голев [Голев 2002], Е.С. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2010], И.А. Стернин [Стернин 2007] и др. Одной из важнейших научных баз при экспертизе текста являются

«Национальный корпус русского языка» [Электр. ресурс] и «Корпус русской грамматики» [Электр. ресурс].

Настоящее исследование посвящено особенностям реализации языковых средств выражения оценки в различных дискурсах. Исследование является **актуальным** для экспертной деятельности и науки в целом, так как когнитивная интерпретация семантики лексем, словосочетаний, предложений и текста в целом попадает в правовое поле по административным (оскорбление) и уголовным (клевета, разжигание межнациональной розни и др.) делам. Такие виды урегулированных законодательством высказываний содержат в себе оценочную или инвективную лексику, которую может выявить эксперт.

Объект исследования составили спорные публичные конфликтогенные медиатексты политического и религиозного характера.

Предметом исследования выступили средства выражения оценочного модуса и их реализация в речевых высказываниях.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить средства выражения оценочности в медиатекстах.

В соответствии с поставленной целью были решены следующие **задачи**:

1) рассмотрена специфика текстообразующих и семантических компонентов, которые служат средством воплощения модальности и эмотивности в речевом действии;

2) определены лингвостилистические средства, используемые в медиатекстах;

3) выявлены особенности языковых средств воплощения комического эффекта с точки зрения воздействующего эффекта в анализируемых медиатекстах;

4) выявлена реализация агрессивных и смягчающих компонентов «комического» в медиатекстах религиозного дискурса;

5) выявлена реализация агрессивных и смягчающих компонентов «комического» в медиатекстах политического дискурса.

Исследуемый **материал** – медиатексты: посты в социальных сетях, видеофрагменты с записью речевых действий, публицистические статьи в блогах и других интернет-площадках.

Методы, использованные в магистерской диссертации. Метод изучения и анализа научных источников позволил выявить степень изученности проблемы; описательный метод был применен для сбора, систематизации и распределения исследуемого материала по тематике дискурса; метод компонентного анализа был использован для выявления архисем и семантических составляющих; метод стилистического анализа был применен для исследования композиции текстов, содержательной части, экспрессивной составляющей и т.д.; метод обобщения словарных дефиниций позволил произвести когнитивную интерпретацию речевого материала; метод ассоциативного эксперимента был использован для придания объективности доказательной базы проведенной экспертной работы и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Оценочность – основной стилеобразующий фактор современных медиатекстов. Восприятие содержательно-концептуальной информации в медиатекстах определено семантическими, текстообразующими и модусными компонентами.

2. Концептуальная информация спорных текстов религиозного дискурса создается с помощью разнообразных языковых средств и приемов, в большей степени определяется ироническим компонентом в результате смешения профанного и сакрального осмысления явления действительности.

3. Концептуальная информация спорных текстов политического дискурса создается с помощью разнообразных языковых средств и приемов, в большей степени определяется конфликтогенным содержанием.

Новизна исследования состоит в попытке описания средств выражения оценочности, используемых в спорных текстах религиозного и политического содержания.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные в ходе исследования сведения могут быть использованы в лингвоэкспертной деятельности.

Магистерская диссертация на тему **«Средства выражения оценочности в медиатексте»** состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются объект, предмет, цели, задачи, методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Лингвистические признаки эмотивности в русском языке» содержит информацию о теоретической базе структуры оценочного высказывания на различных уровнях языка. В параграфе 1.1. рассматриваются семантические аспекты и текстообразующие компоненты, с помощью которых возникают новые уровни вторичности изначальных описанных явлений действительности. Особое место отведено многослойности лексического и синтаксического уровней, а также уделяется внимание графическому строению высказывания. В параграфе 1.2. рассматривается специфика медиатекста как нового способа получения концептуальной информации. Медиатексты не носят строго информационный характер сведений, имеют ярко выраженный манипулятивный и суггестивный потенциалы, влияющие на метаморфозу восприятия адресатом действительности. Параграф 1.3. конкретизирует один из оценочных компонентов: «комическое» выступает и как средство смягчения агрессии, и как усиление «языка вражды».

Во второй главе «Явная и скрытая оценочность в медиатекстах различных дискурсов» проводится лингвистический анализ спорных текстов, содержащих экспликацию и импликацию отношения адресанта к заданной действительности. Параграф 2.1. содержит накопленную методологическую базу исследования

спорных текстов по примерным вопросам, задающимся экспертам по статьям 280 и 282 УК РФ. Параграф 2.2. представляет собой примеры исследований веб-медиа-текстов религиозного дискурса. Параграф 2.3. содержит исследования веб-медиа-текстов политического дискурса.

Диссертация прошла **апробацию** на «Студенческих днях науки ТГУ» (ТГУ, 2016, 2017), организованных студентами-магистрантами 2-ого курса круглых столов на тему «Конфликт и его роль в жизни общества» (ТГУ, 2016, 2017). Материалы диссертации нашли отражение в статьях, опубликованных в журнале «Волжский вестник науки» № 1-2 (5-6) 2017, в сборнике конференции «Студенческие дни науки ТГУ 2017» (ТГУ, 2017).

ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЭМОТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1 Семантические и текстообразующие признаки оценочности

В настоящее время в сфере прикладной лингвистики актуальным является изучение лингвистики текста как одного из основных направлений для лингвистической экспертизы текста. Постепенно, исходя из прагматических установок, ученые поняли, что изучение отдельного предложения (В.А. Звегинцев «Предложение и его отношение к языку», Н.Д. Арутюнова «Предложение и его смысл» и др.) недостаточно для полного анализа речевого высказывания, поэтому именно лингвистика текста (И.Р. Гальперин) выходит на первый план. В своей работе ученый рассматривает текст как объект лингвистического исследования и отходит от общепринятого в лингвистике значения «предикация», занимаясь именно лингвистикой текста, а не лингвистикой в целом. В отечественной науке этот термин часто заменяется синонимичным термином «сказуемое», обозначающим формальный признак, в то время как предикат понимается как содержательно-смысловой компонент, то есть обладающий семантическим свойством. Предикация, по его мнению, это «транспонирование фактов языка в факты речи» [Гальперин 2007: 21]. Предикаты классифицируются с точки зрения семантического компонента:

1. Таксономические – указывают принадлежность предмета к какому-либо классу (Сергей Петрович - учитель);
2. Реляционные – указывают на соотносимость предмета к другим объектам (Он сын Евгения);
3. Пространственные и временные – выходящие из философской категории места и времени предмета в действительности (Сейчас рассвет, Маша в школе);

4. Оценочные – выражающие отношение субъекта оценки к объекту действительности (Плохая погода).

В предикативной части высказывания (предложении, сверхфразовом единстве, абзаце, тексте) содержится основная *пропозициональная* часть смыслового компонента. Но зачастую не менее важной единицей является релятивная часть, формально содержащаяся в группе второстепенных членов предложения (дополнении, обстоятельстве, приложении и пр.) Релятивная часть является факультативной по отношению к доминирующей, пропозициональной части. Но полноценный смысл высказывания получается именно в комплексном рассмотрении высказывания, в составе *предикативно-релятивного комплекса*. «Эмоциональное все же пробивает себе путь в разные классы информации» [Гальперин 2007: 35]. Е.М. Вольф называет такую смысловую законченность «достаточностью смысла» [Вольф, 2006: 136]. Пропозиция и факультативная единица являются конституэнтами высказывания, то есть единицами построения и формирования содержательно-смысловой части. И.Р. Гальперин рассматривает структуру пропозиции:

1. Термы, или сущности;
2. Предикаты;
3. Актанты (обязательные участники ситуации);
4. Сирконстанты (в роли второстепенных членов предложения)

указывают на различные обстоятельства при предикате (Гальперин).

Е.С. Кара-Мурза в статье «Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии» [Юрислингвистика 2010: 111] выделяет компоненты построения высказывания:

1. Пропозиция;
2. Иллокутивная сила;
3. Истинность информации;
4. Оценочный модус;
5. Локуция.

В свою очередь И.Р. Гальперин выделяет формально-грамматические показатели связности и целостности текста:

1. Когезия;
2. Актуальная членимость текста (в том числе ретроспекция и проспекция);
3. Информативность;
4. Завершенность;
5. Автосемантия;
6. Модальность.

Имплицитно выраженная модальность пронизывает весь текст – это одна из форм внутритекстовой связи, явление когезии как грамматической категории текста. *Когезия* – это внутривидовые связи в дискурсивном речевом произведении. Связность текста обеспечивается за счет относительности (референции) анафорических и катафорических видов создания связности и цельности текста (о чем упоминалось ранее, о чем будет сказано в ходе повествования). Вторым средством создания внутривидовых связей является субституция, то есть замена или упущение части предикативной группы (например, замена существительного местоимением или глагола синонимом), а также слова-коннекторы (противительные и соединительные союзы). Стоит отметить, что прием парцелляции увеличивает воздействующий потенциал высказывания и является одной из функций актуально-смыслового членения текста.

И.Р. Гальперин не выделяет *когеренцию* как грамматическую категорию текста, тем не менее, она выполняет одну из важнейших прагматических функций при восприятии и интерпретации речевого высказывания. Когеренция является дискурсивной единицей, которая определяет концептуальность и иллокутивную силу речевого материала. Она может быть эксплицитно или имплицитно выражена в пропозиции, пресуппозиции или иных частях СФЕ.

К категории *актуально-смысловой членимости текста* относятся такие понятия, как «тема» и «рема». Они связаны с прагматической установкой создателя текста. Это такой способ создания текста и его плана содержания, который подчиняется коммуникативному замыслу автора (*иллокутивная сила*). Выполняет суггестивную и эмотивную функции как парцелляция на уровне синтаксиса. Служит для удобства восприятия либо влияния на содержательно-концептуальную информацию. Особую роль играют средства выразительности как особые способы интенсификации коммуникативного замысла: перифраз (часто с комическим компонентом), лексический повтор, анафора, синтаксический и синонимический параллелизм и др. Актуальное членение естественно отличается от информационного, поэтому принято выделять содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию (И.Р. Гальперин, Е.В. Падучева).

В данной работе особое внимание уделяется двум последним видам информации. Интеллектуальное восприятие объекта (т.е. его осознанное восприятие, выходящее за пределы собственно чувственного) «приобретает специфическую двуслойность, когда к непосредственно воспринимаемой информации, заключенной в поверхностной структуре, объекта прибавляется и иная, скрытая (имплицитная), исходящая из модели данного объекта, информация» [Гальперин 2007: 42]. Такой информацией является содержательно-подтекстовая информация – она размыта, трудно уловима, смысл¹ неясно соотносится со смыслом² в отрезке высказывания.

Пресуппозиция является таким семантическим элементом, который закладывает в высказывание знания о ситуации или событии, которые в тексте не выражены, а лишь подразумеваются. Если обратиться к психологии сознания, то сознание человека всегда стремится к уничтожению противоречий, оно ищет закономерности и приписывает двум несвязанным между собой событиям какую-то связь. Если учитывать, что само противоречие является по своей сути конфликтом сознания и

действительности, то любая субъективная ассоциация по своей природе конфликтогенна. Чем больше у адресата накопленной информации и опыта, тем более критически он старается осмыслить явления, вербализуя их в свое отношение к объекту реальности. И.Р. Гальперин считает, что содержательно-подтекстовая информация извлекается из содержательно-фактуальной благодаря способности языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри сверхфразового единства приращивать смыслы. Но возникает неразрешимый или почти неразрешимый вопрос коммуникативного замысла автора (иллокутивной силы высказывания): специально ли адресат вводит подтекст или это результат процесса приращения смыслов, в котором сам автор не принимает участия? Не оставляет сомнения, что наличие иронического компонента является осознанным замыслом автора. Он содержится в подтексте высказывания, то есть перед адресатом стоит задача одновременного восприятия и осмысления полученной информации сразу с нескольких параллельных или противоположных семантических реалий смысла и его реализации.

Признаки *ретроспекции* и *проспекции* актуализируют части текста. Субъективная читательская ретроспекция лежит на стыке психологической и лингвистической наук, так как связана с сопереживанием или внезапной положительной или отрицательной ассоциацией, возникающей у адресата. Это связано с читательской способностью к интерпретации. Е.С. Кара-Мурза вводит термин «мизинтерпретация», который заключается в неверном истолковании речевого действия. Нарочное же восприятие текста она называет «дезинтепретацией» [Кара-Мурза 2010: 125]. Последнее явление часто используется в корыстных целях по делам, связанным с информационными спорами. Интерпретация должна быть адекватной и не основываться на настроении адресата, так как высказывание базируется на основе когерентности (согласованности) всех элементов, объективно отображающих действительность.

Есть вероятность, что адресат в силу не слишком вдумчивого чтения может не заметить скрытую модальность и иллюзию автора текста или высказывания. В таком случае вместо критического мышления у читателя включается апперцепция, то есть поверхностное истолкование информации ввиду своей психологической реакции ассоциаций или обращения к предыдущему опыту. В таком случае адресат не будет пытаться вычленить, пользуясь терминологией И.Р. Гальперина, содержательно-фактуальную информацию (СФИ) и содержательно-подтекстовую информацию (СПИ), а будет выстраивать субъективную концептуализацию высказывания.

Говоря об имплицитной оценке в составе модальности, разбиение (актуальное членение текста по И.Р. Гальперину) на отдельные предложения или сверхфразовые единства не будет эффективным, так как использованные языковые средства могут дать образность, которую можно воспринять только во всем тексте. Если же оценка выражена *эксплицитно*, то рассмотрение отдельных предложений или СФЕ нужно для выделения конкретных языковых средств (или в случае иронического или саркастического компонента текст тоже должен быть воспринят с точки зрения всех заложенных в него грамматических категорий) интегрирующим методом, во всей взаимообусловленности его частей и категорий.

Модальность как отношение говорящего к действительности является неотъемлемой частью речемыслительной деятельности и последующим за ней коммуникативным намерением, реализованным разнообразными языковыми средствами. Такая понятийная категория изучается в области контенсивной лингвистики – раздела когнитивной лингвистики. Ее последователи изучают субъектно-объектные отношения в контексте заданной ситуации. Модальность в «Корпусе русской грамматики» под редакцией Е.В. Падучевой [Падучева: Электр. ресурс] описана на основе эмпирических данных «Национального корпуса русского языка»: письменных материалов основного корпуса.

Е.В. Падучева так определяет понятие «модальности»: «это понятийная категория, которая характеризует: а) отношение говорящего к содержанию высказывания, или б) статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру, или в) иллокутивную силу, т.е. коммуникативную цель говорящего» [Падучева: Электр. ресурс]. Одним словом, модальность выражает отношение говорящего к объекту, то есть придает высказыванию оценочный компонент.

Понятие модальности подразумевает различные явления:

1. Реальность – ирреальность, выражающая объективную модальность. В случае наличия сослагательного наклонения оценочный компонент субъективирует суждение, например, со значением предостережения или угрозы (лучше бы ты не делал этого);

2. Иллокутивная сила высказывания – повествовательная, побудительная или вопросительная;

3. Субъективная модальность – выражается оценочными предикатами, вводными словами, интенсификаторами, что усиливает экспрессивную окрашенность высказывания.

Свойства оценочного предиката:

1. Эмотивность – это не реальные свойства объекта оценки, а отношение субъекта;

2. Оценка эмоциональная или рациональная. Язык имеет средства для того чтобы: а) различить эмоциональную и рациональную оценку, б) отметить разные реакции на них адресата, в) дифференцировать;

3. Экспрессивность (интонация и восклицательные предложения);

4. Аффективность – степень заинтересованности.

В содержательном плане высказывания модальность противопоставляется пропозиции. По другой терминологии, использованной Шарлем Балли или Е.М. Вольф, модальность называется модусом – отношением к суждениям, а пропозиция – диктумом, выразителем суждения о мире. В модусе используются модальные операторы оценки (например,

интенсификаторы). Иногда невозможно строго разграничить эти два понятия, так как в структуру диктума вписываются модальные операторы оценки, поэтому такую пропозицию называют модализованной.

Е.М. Вольф в монографии «Функциональная семантика оценки» [Вольф 1976] выделяет три элемента оценочной модальной рамки:

1) Субъект оценки. Он может эксплицитно выражаться с помощью пропозициональных глаголов («считать», «полагать») или прямого указания на лицо с помощью вводных слов и конструкций («по моему мнению», «по его мнению»). Иногда адресант речевого высказывания старается быть более убедительным за счет выражения не личной, частной оценки, а общей. Общая оценка актуализируется в тексте с помощью неопределенно-личных пропозиций («Говорят, что у него не все дома»). Также конструкция может содержать сему «знать» - «иметь репутацию», «быть известным как», «слыть» и т.д. Такая форма информация называется *мнением-оценкой*.

2) Объект оценки, который, как правило, эксплицируется;

3) Шкала оценки. Этот элемент не имеет языкового выражения в тексте, имплицитно выражен на основе стереотипного индивидуально-авторского мышления. Основными крайними точками шкалы являются понятия «плохо-хорошо». Ниже будет представлена попытка создания более подробной психолингвистической шкалы оценочности на основе ассоциативного эксперимента.

Третий элемент модальной рамки вызывает наибольшие споры, так как относится к сфере когнитивной деятельности индивида. Он содержит в себе субъективный аспект, который реализуется путем наделения объекта оценки определенными свойствами, которые не могут быть верифицированы и опровергнуты, но могут быть оспорены. На перемещение точки в шкале влияют так называемые модальные операторы оценки: аксиологический предикат (вводит эксплицитную субъективность), аффективность (проявление крайней эмоциональности) и интенсификация (усиление эмоционального компонента) высказывания, выраженные определенными

языковыми фактами, например, сравнительной или превосходной степенью прилагательного, наречием меры и степени «очень» и др.

Оценочная модальность не предусматривает категоричной оценки. Зачастую собеседник не может смягчить свое мнение, что ведет к коммуникативному провалу, недопониманию или обиде. Категоричность снижается модусами, подчеркивающими субъективность оценки, ироническими компонентами, денитенсификаторами по степени признака и модальными словами, выраженными в речевом материале *аппроксиматорами*, служащими для соблюдения «принципа вежливости» по теории речевых актов.

В других видах речевых высказываний автор имеет обратную интенцию не смягчить свое мнение, а наоборот усилить его оскорбительный потенциал, сознательно увеличивая конфликтогенность и активно совершая речевые действия, наносящие вред собеседнику или группе лиц. В данном случае он ожидает полярный перлокутивный эффект – понижение статуса оппонента путем ведения инвективной речевой стратегии. Инвектива является оценочным эксплицитным сведением, основанным на преодолении табу, заложенного в обществе. Это вид речевой агрессии, который обладает яркой оценочностью и эмоциональностью. Оскорбляющий «человек испытывает гнев, презрение, чувство превосходства разом или порознь и предполагает вызвать в объекте оскорбления чувство вины, унижения, стыда или страха» [Жельвис 2000: 89]. В.И. Жельвис в монографии «Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира» отмечает, что «...обращение к инвективе есть фактически признание инвектантом своего психологического банкротства, капитуляция перед ситуацией вместо овладения ею» [Жельвис 2000: 124]. Близким по смыслу к термину «инвектива» является понятие «пейоратив» или «дерогатив». Это способность лексемы приобретать дополнительный коннотативный компонент, который выражает отрицательную оценку объекта высказывания с целью унижения, презрения или иронии.

Таким образом, отмечается знаковая амбивалентность эмоциональных слов. Лексема может быть употреблена как в положительном, так и в отрицательном смысле в зависимости от контекста. «Для эмоциональной лексики возможно противоречивое смешение в одном употреблении, скажем, отрицательно заряженного качества и положительного свойства и наоборот» [Жельвис 2000: 90].

В.И. Жельвис составил свою схему определения оценки (знака) в зависимости от контекста. Он подразделяет лексемы на имеющие положительный, отрицательный, нейтральный заряд и реализующие сразу два противоположных заряда. На примере инвектив он исследует контекст, опираясь не только на лексикографическое, но и на психолингвистическое значение реализации лексемы. В качестве примера возьмем лексему «Наташа». Оно представляет собой уменьшительно-ласкательное женское имя, используемое, как правило, близкими или друзьями в ситуации бытового общения. В контексте разговорного стиля оно не несет в себе какой-либо заряд, поэтому по классификации Жельвиса будет относиться к нейтральным. В контексте «Наташа испекла вкусный пирог» реализация лексемы имеет положительный заряд. А в контексте «Наташ ждут в Турции» лексемы приобретает отрицательное значение, так как высказывание задает пресуппозицию: известно, что часто во время отдыха женщины знакомятся с местными жителями для приятного времяпрепровождения за счет прибывших обеспеченных туристов. В контексте «Наташа ждет, когда на нее замириточит Николай Второй» реализуется иронический компонент, содержащий аксиологическую пропозицию в нейтральном значении и пресуппозицию в ироническом профанном значении, что задает тон всему высказыванию. В данном случае комплекс диктума и модуса является сложной структурой, так как зависит от фоновых знаний адресата высказывания. Если ему неизвестно о повсеместном шутовском отношении к депутату Наталье Поклонской в связи с ее последними новостями и заявлениями, то адресат не сможет понять инвективную стратегию данного

высказывания, содержащего в том числе сексуальный подтекст, реализуемый в предикате «замироточит». Е.В. Падучева считает, что иронический компонент стирает границу между иллокуцией и субъективной модальностью: «ирония – это речевой акт, т.е. иллокутивная модальность; но ирония может быть экспрессивным способом выражения отрицания, а экспрессия – это сфера субъективной модальности» [Падучева: электр. ресурс].

Интертекстуальность в свете формирования оценки – термин, обозначающий наличие в конкретном речевом продукте элементов и отсылок к другим текстам, что позволяет говорить об их общем дискурсе. В этом ключе стоит рассматривать речевой продукт как явление прецедентности (Д.Б. Гудков, М.М. Бахтин, В.В. Красных и др.). Прецедентный речевой продукт содержит в себе упоминание об известных ключевых событиях, о которых адресат знает. Это используется для имплицитного формирования мнения у адресата через подачу собственной оценки. Это незаметный прием манипуляции, так как подобные отсылки по мере прочтения формируют у адресата образ, связанный с конкретным явлением. Удачно вставленное прецедентное высказывание так же обновляет смысл всего контекста и позволяет автору скрыто манипулировать читателем, незаметно моделируя его картину мира. Упоминание конкретных имен, известных читателю и являющихся нарицательными, приведет к успешности речевого акта, так как уже представляют собой некий символ [Чудинов 2007: 45].

Следует сказать, что интертекстуальность представляет собой элемент, кодирующий текст. Текст становится шифром и предназначен для определенного адресата, обладающего достаточными фоновыми знаниями для декодирования этого шифра. Ключ к пониманию лежит в когнитивной модели как фундаментального процесса познания более сложных слоев и отсылок. Он заключается в сформированной системе иллюстраций, знаков и символов. Индивид запоминает значение слов независимо от их референтов, которые в некоторых случаях могут вообще не существовать (например,

Бог). Это происходит, потому что символические отсылки создаются на основе отношений между словами и не ассоциациях между конкретным словом и его объектом. Только с пониманием виртуальной системы индивид может приступить к соответствующей отсылке. Язык обладает фундаментальной «двойной отсылкой»: слово отсылает и к другим словам, и к миру. Можно сказать, что для подготовленного читателя отношение автора к действительности через прецедентные отрывки будет выражено эксплицитно, а для неподготовленного адресата этот текст так и останется шифром, так как не произойдет *семантической* наполненности и как следствие формирования оценочного воздействия.

При анализе спорных текстов значения слов, кодифицированных в толковых словарях, с появлением контекста эксплицируют внутренние новые смыслы, в которых в зависимости от коннотации возникает степень эмотивности, происходит актуализация словообразовательной мотивации. Особое место среди оценочных высказываний занимают сообщения, которые не содержат эксплицитных элементов ни в виде слов, ни в виде сем в отдельных словах, и, тем не менее, могут приобретать оценочное значение на основе стереотипов, существующих в общей для данного социума картине мира. И.М. Кобозева подробно изучает это явление в «Лингвистической семантике» [Кобозева 2007: 182]. Конфликтогенность языка обнаруживается за счет расширения и усложнения семантического объема единиц текста.

Область *когнитивной семантики* является частью выделившейся из лингвистики когнитивной лингвистики. Ключевым понятием в этой области является концепт (Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова и др.) как единица индивидуальной, групповой или национальной картины мира (концептосферы). Термин широко используется для интеграции с психологией, культурологией, философией и является одним из центральных в смежной дисциплине «Психолингвистика».

Семантический анализ не может заключаться только в декодировании языковых единиц, должен учитываться контекст, знания о мире и т.д., то есть

экстралингвистические факторы. Это область прагматики или прагматической лингвистики. Один из исследователей семантики А.Е. Кибрик так формулирует задачу общей семантики: «К области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при разворачивании высказывания и которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации этого высказывания» [Кибрик 1992: 114]. Из этой формулировки очевидно, что анализ речевого действия должен обязательно включать себя анализ интенции автора, иллокуцию и перлокуцию, а не только воспроизводить значение толкового словаря. Поэтому логичным представляется опираться на направление так называемой *слабой семантики*, одной из школ которой является когнитивная семантика, рассматривающая значение не только как закрепленное в словаре, но и как единицу ментальности. Она тесно связана с психологией сознания, которая изучает познание мира человеком, хранение и обработку поступающей информации и дальнейшее системное закрепление ее в картине мира человека. Системное закрепление происходит путем создания различных концептуальных конструкций, которые в науке номинируются рядом исследователей как «когнитивная модель», «фрейм» и др. Кобозева [Кобозева 2007: 102] говорит о такой модели, как об «определенном фрагменте человеческого опыта», конституирующемся на основе произошедших событий и укладываемого в мышлении в виде стереотипной конструкции для удобства сознания в последующем поведенческом аспекте. С точки зрения лингвистики у субъекта формируется не только сигнификативный слой значения в сфере мира дискурса, но и *прагматическое* значение, которое включает в себя категорию *оценки*, т.е. степень отношения к определенному референту, обстановки коммуникативной ситуации, степень дистанции между говорящим и адресатом. Таким образом, пройдя такой долгий и сложный путь от прямого кодифицированного значения, слово через призму субъективного познания говорящего и интерпретацию адресата приобретает коннотативные слои,

способные перевернуть коммуникативную ситуацию и нарушить условие успешности речевого общения, вызвав конфликт. «Напряженность слова – это особое состояние слова, при котором активизируется его потенциальная конфликтогенность» [Краснянская 2010: 34]. Вольф замечает: «В самом деле, необходимо различать речевой акт оценки в актуальной ситуации и его трактовку с точки зрения иллокутивных целей и перлокутивного эффекта, т.е. интерпретацию» [Вольф 2006: 195]. Это происходит потому, что денотативный слой значения исходной лексемы, являющийся неким обобщенным и образным представлением о предмете как об идеальной сущности «растворяется», метафорически приобретая некие «примеси» из новых слоев, не вписывающихся в картину мира индивидуума. Явления полисемии, омонимии и синонимии, по мнению Кобозевой, «это не недостаток, как может показаться на первый взгляд, а достоинство естественного языка» [Кобозева 2007: 36]. Денотат – обозначаемый предмет, который может иметь множество коннотаций. Г.В. Колшанский в монографии «Объективная картина мира в познании и языке» так определяет понятие денотата: «Денотат, таким образом, не есть конкретный телесный предмет, а только ситуационное представление о нем. Предмет, конечно, не может войти в состав слова, в то время как денотат является компонентом всякого реального высказывания. Именно из такого троичного деления содержательной структуры слова нужно исходить при описании смысла фразы, истинности и ложности предложения, а также так называемой правильности высказываний» [Колшанский 1984: 44]. Восприятие высказывания не является чисто субъективным актом, так как интерпретация базируется на мировоззрении, которое складывается из набора ценностных представлений о бытии в целом. Этот акт является одновременно индивидуальным и общественным, так как основан на концептуализации определенной ситуации с точки зрения идеальной сущности денотата. Оценка события или явления может быть как похожей, так и абсолютно полярной одного и того же объекта в зависимости от совокупности

выделения у объекта каких-либо определенных признаков. Знание количества признаков объекта оценки зависит от фоновых знаний коммуникантов, что зачастую приводит к неуспешности речевого акта и возможному конфликту. Например, атеизм и вера – две стороны субъективного восприятия явления, которое человек наделяет своими оценочными признаками по шкале «хорошо-плохо». Оценка верифицироваться на истинность не может. Именно разница в соотношении означающего и означаемого и разнообразие языковых средств увеличивают конфликтогенный потенциал речевого высказывания. На данный момент исследования в области конфликтогенности активно поддерживаются такими учеными как Р.М. Фрумкина [Фрумкина 2003], А.Н. Баранов (автором учебного пособия «Лингвистическая экспертиза текста») [Баранов 2013], Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004] и другими исследователями, основоположниками лингвистической экспертизы. Эта отрасль имеет большое будущее и активно развивается, создавая новые разделы на базе когнитивных исследований, такие как семантика высказывания и семантика текста. Эти разделы являются базовыми для теории и практики лингвистической экспертизы текста.

Переход от теоретической лингвистики к прикладной обусловил резкое повышение значимости и интеграции лингвистики в среде окружающих когнитивных наук. И.А. Стернин на базе Воронежского университета совместно с соавторами и учениками был разработан семантико-когнитивный подход. В монографии «Семантико-когнитивный анализ языка» [Стернин 2007] ученым и соавторами была определена методологическая база исследований в этой области. После долгих поисков в размытых и неопределенных связях между языком и мышлением, роли нейронаук (мозговая деятельность как источник речевой деятельности) в создании языковой картины мира индивида, ученые и соавторы пришли к определенным теоретическим выводам. В работе проведено дезинтегрирование таких смежных областей, как лингвоконцептология и когнитивная семаси

ология. Кодифицированы важнейшие лингвокогнитивные понятия, например, психолингвистическое значение лексемы, зона интерпретационного поля и т.д. В монографии так определяется метод исследования: «Она [Когнитивная лингвистика] исследует когнитивные процессы, делает вывод о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования» [Стернин, 2007: 9]. Поэтому семантико-когнитивный подход очень важен в деятельности лингвиста-эксперта в случаях комплексной психолого-лингвистической экспертизы: важен не только собственно лингвистический материал, но и выявление причины порождения такого языкового материала, который коренится в сознании индивида в результате его языковой картины мира. По этой причине в современных процессах развития коммуникативного подхода к изучению языка на первый план выдвигается не просто классическая когнитивная лингвистика, но когнитивно-дискурсивное направление. Последователи такого подхода придерживаются современного понимания когнитивизма: основанного не только на объективистской базе знаний, но главную роль в этом играет экспериенциальная база – основанная на опыте [Кубрякова 2004: 58]. Когнитивная лингвистика является результатом научных исследований психолингвистов. Именно они стали обращать внимание не только на значение слова, но и на заложенные в него дополнительные смыслы, то есть концепты. Такой подход называется лингвокультурологическим, и предлагает при анализе речевого высказывания рассматривать концентосферу индивида, группы людей или народа в целом. Это особенно важно учитывать при исследовании спорных текстов, в которых предполагается наличие или отсутствие лингвистических признаков разжигания межнациональной вражды, а также направленных по отношению к определенной социальной или конфессиональной группе. Это анализ лексических и грамматических значений лексем с переходом на более высокий концептуальный уровень

реализации языка в речи. И.А. Стернин кратко формулирует цель своего когнитивного исследования: через соотношение семантики и концептосферы индивида, группы людей к соотношению семантики и когнитивистика, где когниция – это не просто процесс познания, а процесс «фильтрации» новых сведений сквозь призму индивидуальной или национальной ментальности. Таким образом, семантический анализ языковых явлений с помощью интерпретационного, концептуального и контекстного видов анализа позволяет говорить о выделении когнитивных компонентов – концептов в тексте. Вся совокупность семантических компонентов лексемы и ее лексикографическое значение, зафиксированное в словаре, не является достаточным основанием называть такую единицу концептом, так как должен присутствовать психолингвистический компонент ментальности. И.А. Стернин выделяет такие составляющие концепта:

1. Чувственный образ
2. Информационное содержание
3. Интерпретационное поле [Стернин 2007: 15].

Е.С. Кубрякова в монографии «Язык и знание» рассматривает язык как когнитивную способность человека. Она исследует одно из важнейших грамматических понятий в языковой системе – части речи – как когнитивную категорию. Номинативная функция языка также рассматривается с помощью когнитивно-дискурсивного подхода в свете представления о важности человеческого фактора в языке.

Таким образом, явление оценочности имеет сложную и многоплановую структуру. Семантические компоненты речевого высказывания актуализируются в зависимости от когнитивной интенции и когнитивной интерпретации адресанта и адресата. Сложные внутритекстовые связи увеличивают концептуальный потенциал речевого материала. Синтез семантических и текстообразующих компонентов влияет на создание образов и их интерпретацию внутри контекста высказывания.

1.2. Лингвостилистические признаки оценочности в медиатекстах

С течением времени распространение информационных материалов приобрело значительную скорость. Важность понятий «тираж», «редакторская правка», «редакторская цензура», «печатное издательство» и прочие основные термины, характерные для печатного публицистического материала потеряли свою актуальность. С появлением сети Интернет, в которой размещаются информационные материалы, скорость распространения сведений различных сфер увеличилась по экспоненте: чем больше материала, тем быстрее он находит свою аудиторию. За такой скоростью не успевает следить государственная цензура, так как ей не хватает возможностей и способов контролировать все сферы Интернета. Отсутствие цензуры привело к двум противоположным последствиям: с одной стороны, активным гражданам, не согласным с политикой государства, стало доступным выражение своей критической позиции путем сокрытия своей личности. Также и государству стало сложнее держать в секрете какие-либо погрешности со стороны государственных чиновников, например, в нецелевом расходовании бюджета, и этот факт становится общественным достоянием. Также и религиозным организациям сложно контролировать свою паству, так как реципиенты обладают и другой информацией, зачастую противоречащей религиозным догмам, и доверие к церкви постепенно, но уверенно снижается. С другой стороны, из-за снижения уровня ответственности за свое слово возникает бесконтрольный поток ложной, неотфильтрованной информации, которая может обладать высоким суггестивным потенциалом. Так или иначе, в настоящее время проводится государственная политика регулирования Интернета, но по какой-то причине подобная политика не осуществляется в регулировании телевидения.

В связи с переходом массовой аудитории в сферу Интернет-коммуникации появился новый, многоплановый вид текста под названием *медиа́текст*. Это единица коммуникативного дискурса, так как такой вид текста не остается застывшей формой без дальнейшего функционирования в речевой действительности. Дело в том, что медиа́текст может быть размещен на любом коммуникативном Интернет-ресурсе, на котором существует возможность размещения (форумы, чаты, блоги, социальные сети и др.), и его функциональность и степень воздействия будут зависеть от определенной аудитории, которая создаст некий перлокутивный эффект (комментарий к посту, обсуждение статьи, развернутая дискуссия в чате и др.). В связи с быстрым распространением этого понятия появилась новая отрасль лингвистики – медиалингвистика, основным объектом изучения которой является медиа́текст.

Н.А. Кузьмина в учебном пособии «Современный медиа́текст» выделяет три сферы функционирования: журналистика, PR и реклама. Она считает, что медиа́тексты этих сфер не могут функционировать дезинтегрированно друг от друга, так как специалисты в таких областях должны обладать компетенциями во все трех сферах: уметь пользоваться языковыми приемами, чтобы продвинуть рекламный или медийный продукт для аудитории [Кузьмина 2011: 6]. Особое место в научном труде занимает Web-медиа́текст как разновидность простого медиа́текста. Его специфика заключается в размытом определении, что же именно считать текстом подобного рода? Поэтому исследователь вводит понятие «медиа́потенциала текста» [Кузьмина 2011: 255]. Рассматривая медийное СМИ, Н.А. Кузьмина выделяет три особенности их функционирования:

- 1) Наличие гиперссылок для связи между различными текстами и документами. Это быстрый и удобный переход между информационными материалами (источниками), который обеспечивает объективность и более достоверную подачу информации. Это вид интертекстуальности.

2) Под интерактивностью Н.А. Кузьмина понимает взаимодействие редакции электронных СМИ с аудиторией. Подобная коммуникация значительно упрощена по сравнению с традиционной публицистикой: читателю информационного материала не нужно писать письма или звонить в редакцию. Общение может проходить в режиме онлайн с самой редакцией или в ожидании официального ответа участники могут самостоятельно дискутировать. В том числе, очень популярным видом взаимодействия между электронными СМИ и Интернет-аудиторией становится опрос или голосование по поводу актуальной для издания темы. С помощью подобных опросов редакции СМИ легче и быстрее, например, отредактировать свою информационную политику.

3) Кроме того, особенностью медиатекста является мультимедийность. Информация может быть выражена не только в текстовом виде. Быстрая передача аудио-, видеофайлов, графиков, схем, позволяет оперативно и доступно преподнести аудитории важную новость. С появлением смартфонов, владеющих функциями аудио-, видеозаписи, репортажи с места событий создают уже не профессиональные журналисты, а обыкновенные люди, которые оказались в нужном месте в нужный момент.

Мы воспользуемся термином, который предложила Н.А. Кузьмина для выделения речевых произведений, которые создаются и располагаются в Интернет-пространстве, и рассмотрим специфические особенности веб-медиатекста [Кузьмина 2011: 255] в социальных сетях и блогах.

1) Возможность анонимности адресанта речевого высказывания. Чтобы обезопасить себя от уголовного преследования или преследования со стороны несогласных с мнением автора, пользователь социальной сети или блога скрывается под вымышленным именем или «фэйком».

2) Широкая целевая аудитория. Вопреки распространенному мнению, социальные сети и блоги не являются Интернет-пространством для молодежи. Сравните, например, это явление с тем, что подросток в советский

период читал бы газету. В настоящее время информационная доступность пронизывает все слои общества.

3) Индивидуальная возможность пользователя самому выбирать желаемый контент. Контент – это содержательно-концептуальная информация. Адресант сам выбирает тематику, интересную лично ему.

4) Веб-медiateкст социальной сети и блогов, как правило, является креолизованным, т.е. интерактивным. Он характеризуется единством вербальной и визуальной информации. Выбор иконического компонента зависит от интенции автора и желаемого перлокутивного эффекта.

5) Важной и сравнительно новой особенностью веб-медiateкста оказывается тенденция к уменьшению количества текстовой информации («мемы», где визуальное изображение является узнаваемым культурным кодом среди активных пользователей Интернета) и увеличение значимости мультимедийных и графических видов передачи информации. Появился такой жанр как «лонг-рид», потенциальный читатель сразу предупрежден о большом количестве вербальной информации, что не предусмотрено традиционными публицистическими изданиями.

6) Отход от литературной нормы и нейтрального стиля общения. В зависимости от тематики речевого материала лексика варьируется от допустимой разговорной до недопустимой табуированной. Как правило, для экономии времени орфографические нормы не соблюдаются. Исключения составляют блоги известных деятелей, которые не снижают свой статус отходом от литературных норм.

Таким образом, с течением времени публицистика как функциональный стиль перешел в сферу Интернет-коммуникации и приобрел ряд особенностей. Медiateкст как новый вид речевого сообщения обладает интерактивностью и иным видом целевой аудитории, которая влияет на объем, содержание, используемые языковые средства.

1.3. Языковые средства выражения комического

Существует актуальная проблема уместности использования того или иного вида и формы комического среди определенного типа адресата, так как не каждый реципиент речевого высказывания обладает психологической особенностью под названием «чувство юмора» как умения осознать и критически осмыслить противоречия действительности, которые раскрываются или изобличаются с помощью различных языковых средств. В таком случае можно говорить о потенциальной конфликтогенности текстов подобного рода, так как существует большая вероятность несоблюдения успешности речевого акта в связи со сложностью и многоплановостью комического как средства непрямого информирования.

И.А. Стернин в методическом пособии «Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста» выделяет ряд параметров анализа текста, в числе которых находится параметр о высказываниях, содержащих «издевку» по отношению к какой-либо этнической группе или отдельным представителям группы [Стернин, 2010: 16]. Семантический анализ лексемы «издевка» показал следующие кодифицированные значения:

ИЗДЕВКА – (разг.) Язвительная злая насмешка, издевательство, [Кузнецов 2000: 340];

ИЗДЕВКА – То же, что издевательство (во 2 знач.) [Ожегов 2008: 240];

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО – Злая *насмешка*, оскорбление, а также оскорбительный поступок, поведение по отношению к кому-чему-н. [Ожегов 2008: 240].

Становится понятным, почему в определении понятия «унижение чести и достоинства» входит слово, допустимое преимущественно в устной речи и являющееся периферией нейтрального и неформального стилей общения. Тем не менее, лексема содержит в себе сему «комического», но трактовка кодифицированных значений не позволяет однозначно отнести данное слово

к определенному жанру или виду «комического». И.А. Стернин трактует данное слово как иронию в своем крайнем проявлении. В то же время маркеры кодифицированного значения показывают разброс от невинной шутки до оскорбительного выпада в сторону адресата. Среди исследователей нет однозначного определения того или иного вида и форм «комического», а также разграничения языковых средств, которые реализуют ту или иную форму комического: ирония, сарказм, юмор и т.д. В ходе проведения лексико-семантического анализа ряда дефиниций с семей «комическое» были выявлены кодифицированные значения по оценочным шкалам «мягкое проявление – острое проявление»:

НАСМЕШКА – 1. Обидная шутка по поводу кого-л., чего-л. 2. Выражение ироничного отношения во взгляде, голосе [Кузнецов 2000: 600];

ИРОНИЯ – Тонкая скрытая *насмешка* [Ожегов 2008: 251];

ИРОНИЯ – 1. Тонкая скрытая насмешка. 2. Стилистический оборот, фраза, слово, в которых преднамеренно утверждается противоположное тому, что думают о лице или предмете [Кузнецов 2000: 398];

САРКАЗМ – 1. Язвительная *насмешка*, злая *ирония*. 2. Язвительное, едкое насмешливое замечание, замечание [Ожегов 2008: 697];

САРКАЗМ – 1. Язвительная насмешка, едкая ирония. 2. Язвительное, едко насмешливое замечание, выражение [Кузнецов 2000: 1149];

САТИРА – 1. Способ проявления комического в искусстве, состоящий в уничтожающем осмеянии явлений, которые представляются автору порочными. 3. Злая насмешка, резкое обличение [Кузнецов 2000: 1150];

САТИРА – Обличающее, бичующее осмеяние [Ожегов 2008: 657];

ЮМОР – 1. Умение подметить смешную сторону кого-л., чего-л. и представить, показать ее в незлобливо-насмешливом виде; проникнутое шутивным, добродушно-насмешливым настроением отношение к кому-л., чему-л. [Кузнецов 2000: 1529];

СТЕБ – 3. *Шутка*, анекдот. 4. *Ироничная* манера поведения, *ироническое* отношение к жизни вообще, часто сочетающееся с несерьезным отношением к высоким идеалам [Елистратов, 2007: 390];

КАРИКАТУРА – рисунок, *комически* или *сатирически* изображающий кого-что-н. [Ожегов 2008: 697];

КАЛАМБУР – *Шутка*, основанная на *комическом* использовании сходно звучащих, но разных по значению слов, игра слов [Ожегов 2008: 260];

ОСТРОУМИЕ – Изощренность мысли, изобретательность в нахождении ярких, острых, смешных выражений, определений [Кузнецов 2000: 735].

После анализа словарных значений нами было выделено две дискурсивные архисемы, которые легли в основу дальнейшей классификации форм, видов и приемов комического: «Насмешка», «Смешное».

Шкала «Мягкое проявление» комической оценочности по степени возрастания эффекта:

Рисунок 1.

Шкала «Острое проявление» комической оценочности по степени возрастания эффекта:

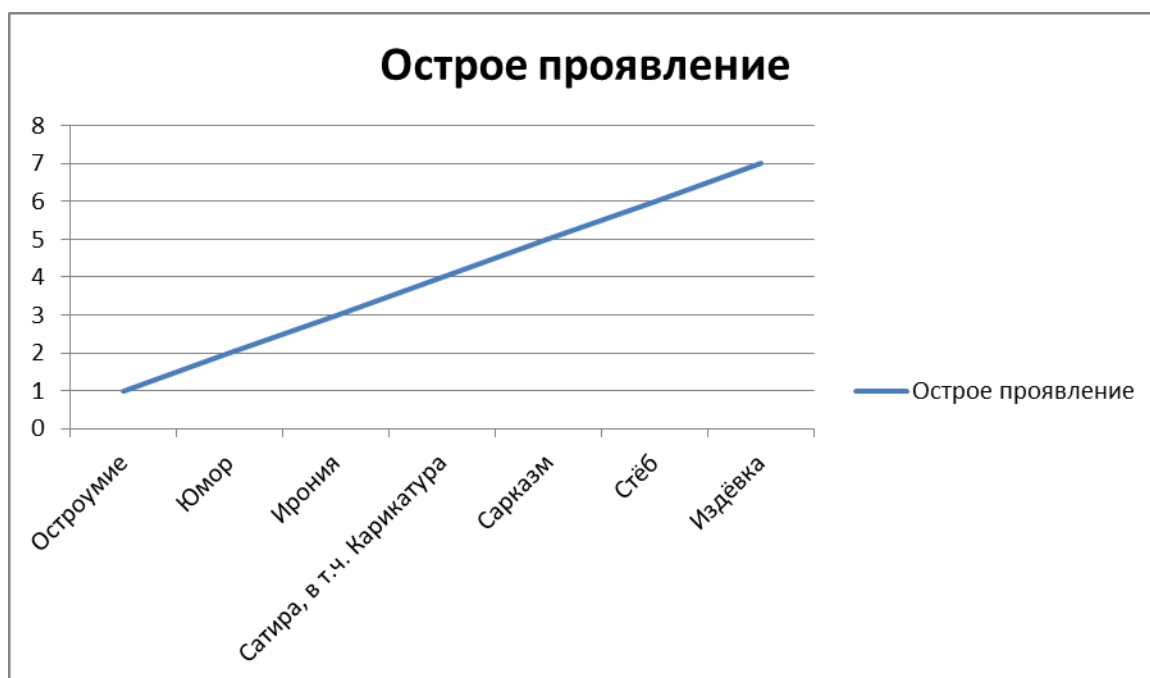

Рисунок 2.

Суммирующий показатель проявления архисем «Насмешка» и «Смешное» и точки совпадения мягких и острых форм комического:

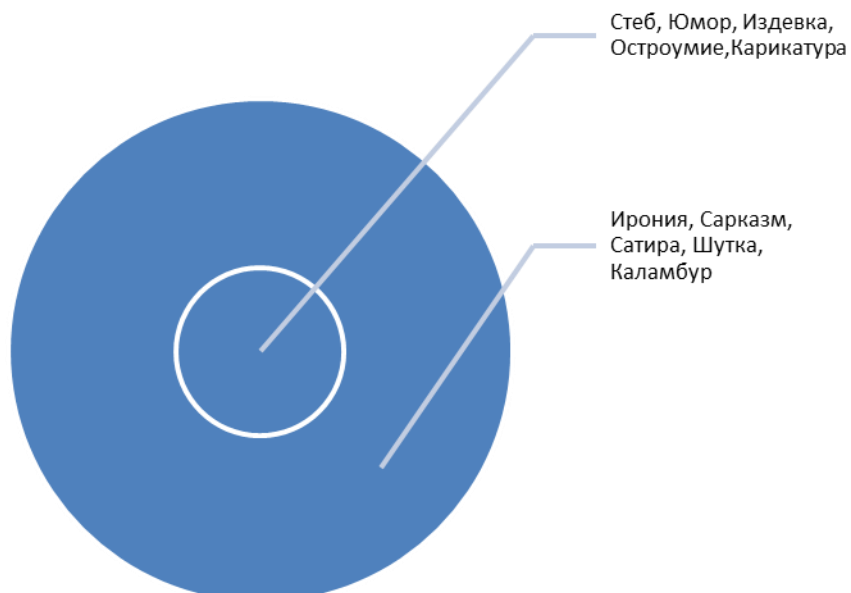

Рисунок 3.

Следует отметить, что такая форма комического выражения отношения к действительности под названием «стёб» появилась, по данным

«Национального корпуса русского языка» сравнительно недавно: корпус фиксирует лишь одно употребление дефиниции с начала 1980-ых гг. и отмечает возрастание использования лексемы с 2010 г. в сфере публицистического стиля (26 словоупотреблений против 12 в художественных текстах) по тематикам «Политика и общественная жизнь» (8) и «Искусство и культура» (7).

Дземидок в своей работе «О комическом» рассматривает явление «комического», делая акцент на отклонении от нормы, при этом замечая, что и само понятие нормы весьма относительно. С течением времени и смене общественных вкусов, понятие нормы и морали может либо меняться кардинально, либо видоизмениться. Поэтому неустойчивая шкала нормированности и понятие комического как отклонения от некой нормы не является актуальным в данной работе. Норма и идеал явления – разные плоскости данного термина.

Основные приемы комического на примерной классификации Дземидока:

1. *Преувеличение.* Этот прием используется для создания высказывания, в котором сам субъект рисует картину своего превосходства (качества, поступки) или искажает произошедшее событие. Сюда также входит *гиперболизация* до карикатурного или пародийного изображения или абсурдное, гротескное окарикатуривание. Иногда преувеличение может нести уничижительный или оскорбительный характер. В таком случае те явления, которые в обществе считаются положительными, рисуются в отрицательном аспекте (литературный персонаж, религиозное верование, идеология, политика, национальность). Деформация явлений заключается в обнажении незначительных или деликатных сторон объекта, в обществе считающегося положительным. Этот прием используется с целью манипулирования системой взглядов и картиной мира для изменения.

2. *Несоответствие.* Такой логико-смысловой поворот в высказывании или в действии, который не вписывается в структуру

мышления наблюдателя. Другой вид – сопоставление качеств человека с животным или другими объектами, имеющими схожий признак. В языковом плане это выражается с помощью *сравнения*. Используется для разоблачения абсурдных и бессмысленных фактов, которые коррелируются с этическими и эстетическими нормами. Зачастую комизм высказывания возникает в сопоставлении явлений, которые никак не взаимосвязаны между собой по ряду признаков. Это воплощается в языке с помощью *контекстуальных антонимов и синонимов* в ряду однородных членов или синтаксического целого. Часто объектом насмешки становятся политические деятели, так как их идеальный облик не соответствует действительности, то есть теория расходится с практикой. Это относится и к священнослужителям как нравственным эталонам. Демонстрация «несоответствия между высоким мнением человека о своей моральной, общественной, интеллектуальной значимости и его фактической значимостью» [Дземидок 1974: 78]. Носители нравственных и этических принципов обременяют себя повышенной ответственностью перед обществом и обладают повышенной уязвимостью к собственной персоне и группе лиц, схожих по признаку деятельности. Иначе говоря, формирование стереотипных представлений актуализируется по причине противоречивости эталонного изображения и действительного, особенно многократно отступающего от нормы, что переносится на всех представителей той или иной группы. Это прочно закрепляется в сознании общества и воплощается в карикатурном изображении. Стереотипизация закрепляется не только в картине мира, но и вербально в виде высказывания, буквальный смысл которого противопоставлен скрытому. Такая информация называется, по терминологии И.Р. Гальперина, содержательно-подтекстовой и в языковом плане выражена *антифразисом*.

3. Нарушение логики построения высказывания или праксеология как учение о реализации человеческих ценностей в жизни. Особенно сильно проявляется на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях: неверное употребление слов в целях снизить интеллектуальные способности

участников высказывания, резкие повороты в теме, отсутствие сверхфразового единства, алогичные построения конструкций в свете чрезмерной эмоциональности.

Проблематика классификации комического заключается в размытости определений отдельных видов комического и невозможность расположения этих явлений в линейном порядке на шкале «безобидное/оскорбительное». Именно такая шкала подходит для нашего исследования, так как затрагивает правовой дискурс в части спорных высказываний, относящихся к оскорблению чести и достоинства личности или определенной группы людей. Что может задеть чувства человека или группы лиц? Оскорбительная шутка или легкая сатира? Черный юмор или незаметный сарказм? Данный психолингвистический аспект абсолютно субъективен и многопланов.

«Неотъемлемым условием является работа интеллекта, решающего, что же достойно смеха. Обнаружение локальных противоречий, расшифрованных благодаря принципиальности ума, служит источником удовлетворения при познании комического» [Дземидок 1974: 30].

Смех как личная победа и превосходство над тем, что перестает быть идеальным. Вступление в борьбу идеальной сущности и его действительного воплощения из-за чувства противоречия (одна из теорий «комического»). И хотя автор приводит аргументы логиков о том, что термину «противоречие» должно быть отказано ввиду наделения объекта теми или иными свойствами, несопоставимыми с действительностью (красное не может быть белым), тем не менее, в различных дискурсах сущность противоречия, диссонирующего реальность, встречается повсеместно в дискурсах религиозного и политического толка. Аскетизм vs роскошь, всепрощение vs ответная агрессия, любовь vs ненависть. Все эти сущности имеют языковое выражение в виде антонимических пар. Поэтому теория противоречия представляется нам весьма убедительной в рамках нашего исследования. Это наблюдение за объектом как единой и неделимой сущностью, в котором сочетаются парадоксальным образом свойства, противоречащие друг другу. В языковом

плане это выражается с помощью антонимов. Поэтому существующая теория *противоречия* представляется весьма убедительной в рамках нашего исследования и актуализируется особенно сильно в религиозном дискурсе в случаях смешения так называемого профанного и сакрального (подробный анализ примеров смешения профанного и сакрального во второй главе исследования). Теория противоречия также находит свое воплощение в политическом дискурсе в антиномиях, выраженных антонимами (слуга народа – хозяин, народ – власть, ребенок – взрослый и т.д.).

Одним из методов создания некой базовой классификации сущности комического во всей его разнородных проявлениях Дземидок считает «эмпирический и конкретный анализ отдельных явлений комического, анализ, подразумевающий классификацию разных форм и формулировку обобщающих выводов» [Дземидок 1974: 51]. Во второй главе настоящей работы этот метод будет представлен в анализе спорных конфликтогенных текстов, содержащих элемент комического, проявляющийся в различных ипостасях.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Текстообразующие и семантические компоненты являются структурными факторами в построении вторичного текста. Вторичный текст, в котором реализуется модальность, является субъективным и многоплановым с точки зрения психолингвистического аспекта оценочности, построенной, в частности, на комическом эффекте. Наслоение перечисленных факторов конструирует перлокутивный эффект, не всегда соответствующий интенции автора. Психолингвистические шкалы позволяют приблизиться к научно обоснованному описанию субъективных ощущений адресатов сообщения.

ГЛАВА 2. ЯВНАЯ И СКРЫТАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ В МЕДИАТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСОВ

В этой главе основной акцент делается на спорных речевых произведениях религиозного и политического дискурсов. Как известно, эти два явления априори содержат конфликтогенный потенциал. На почве религии возникают социальные конфликты, в которых проявляются оппозиции МЫ (христиане) - ОНИ (атеисты), МЫ (народ) – ОНИ (бизнес-священники), МЫ (образованные) – ОНИ (отсталые) и др. В таких зачастую непримиримых позициях, разделяющих социум на два или более лагеря, возникают эмоционально-окрашенные тексты негативного или положительного характера с семантикой оценки. В том числе частым приемом характеристики действительности или представителей того или иного «лагеря мнения» является насмешка в смягчающей или агрессивной форме, соответственно уменьшающая потенциал «обидного» или увеличивая его. Степень «безобидности-обидности» является одним из примеров оценочной шкалы «хорошо-плохо» в религиозном дискурсе. С точки зрения ст. 148 УК РФ обида или «оскорбление чувств верующих» является абсолютно субъективным чувством, которое невозможно измерить. В последнее время становится очевидным, что статья 148 УК РФ дублирует статью 282 УК РФ «о разжигании вражды» в том числе по признаку отношения к религии, поэтому в судебной практике эти два закона работают, как правило, парно. То есть, критическое мнение, выраженное в оценочной форме, искусственно приравнивается к экстремистской деятельности.

В политическом дискурсе основным источником правомерности речевых высказываний, регулируемым такую публичную деятельность, является статья 282 УК РФ. В таком дискурсе помимо явлений религиозного характера «язык вражды» направлен на «унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо

социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» <...>»¹ [Электр. ресурс]. В таком дискурсе само слово «унижение» имеет семантику оценочного отношения. В контексте такой тематики считается правомерным использование термина «критика» в случаях исследования спорных текстов, как «обсуждение, разбор чего-нибудь с целью оценить, выявить недостатки. Критические публикации по определению не могут формировать положительный образ кого-чего-нибудь» [Горбаневский 2006: 49]. Авторы критических высказываний действительно подвергают объект оценки анализу. В таком случае нельзя говорить об унижении достоинства объекта оценки, особенно если такая оценка выражена с помощью иронических компонентов, но судебная практика в РФ показывает другое. Примеры проявления оппозиций в текстах политического характера будут приведены ниже.

2.1. Методология лингвистического анализа текста

Прежде чем начать исследование спорного материала, перед лингвистом-экспертом стоит важная задача – определить те методики анализа текста, с помощью которых он научно, обоснованно и объективно придет к выводам. Одной из частых проблем в области экспертологии, приводящих к недопустимой субъективности исследования, является несоблюдение специалистом рамок своей компетенции. Такие случаи часто происходят по причине неверно сформулированных перед экспертом вопросов, и он позволяет себе смешивать языковую и правовую терминологию и выносить вердикт за судью. Так, например, перед специалистом на основании ст. 148 УК РФ стоял вопрос: «Содержат ли данные материалы элементы публичных действий, направленных на оскорбление чувств верующих?». Такая постановка вопроса неверна.

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699

Юридическая трактовка термина «оскорбление» отличается от лингвистической. В случае если не заявлена комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, специалист может выявить только признаки негативной пейоративной информации в оценочной форме мнения. Поэтому эксперт оставляет за собой право переформулировать вопрос: «Имеются ли в представленных материалах смысловые элементы и особенности (выраженные лексическими или иными средствами), содержащие негативную оценку, направленную на объекты религиозного почитания?».

В связи с такой компетентной постановкой вопроса исследователь может выбрать ряд методик и терминологию для анализа спорного текста. Ключевыми (основными) терминами являются:

1. Высказывание. Эксперт работает с речевыми действиями, синтаксически представленными в виде лексемы, словосочетания, предложения, сверхфразового единства, текста, в том числе креолизованного текста.

2. Интерпретация, как продукт вторичного смыслопорождения.

3. Коммуникативное намерение. Адресант речевого действия может эксплицитно раскрыть интенцию информации в форме утверждения или мнения-утверждения. Имплицитная интенция устанавливается с помощью анализа контекста.

4. Контекст. Является концептуально-содержательной информацией с возможным наличием подтекстовой информации. Выявление контекста – трудная задача для объективного исследования материала.

5. Оценка. Выражение отношения адресанта к какому-либо явлению действительности. Использование оценки в медиатексте предполагает публичность и эффект манипуляции, то есть воздействия на адресата. «Публичность является фактором, «накалывающим» слово и активизирующим его скрытый конфликтогенный потенциал» [Краснянская 2010: 42]. Суггестивность (воздействующая функция) проявляется с помощью выразительных средств на различных уровнях языка (лексическом,

синтаксическом и др.). Шкала оценки варьируется в зависимости от конкретного речевого произведения и его тематики.

б. Обсценная лексика. Является показателем выражения отношения к явлению в неприличной форме. В публичной сфере считается табуированной, то есть запрещенной для использования в сфере массовой информации. В некоторых случаях непристойная лексика может даже выполнять мелиоративную функцию, то есть снижать оскорбительный потенциал, если находится в связке с ироническими компонентами в высказывании (пейоратив).

Это далеко не полный список терминов, которыми пользуются специалисты при анализе спорных материалов. В зависимости от конкретного речевого произведения актуализируются те или иные термины.

Ряд методов, которые могут позволить наиболее объективный подход к анализу спорного материала, заложены в основе таких направлений лингвистики как лингвистика текста, коммуникативная лингвистика, теория речевых актов, прагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика и т.д.:

1. Лексико-семантический;
2. Лингвостилистический;
3. Семантико-синтаксический;
4. Текстологический;
5. Контекстуальный;
6. Интерпретационный;
7. Концептологический;
8. Семантико-когнитивный;
9. Контент-анализ.

Особое внимание следует уделить последнему методу – методу контент-анализа спорного высказывания. Одним из принципов лингвистической экспертизы спорного текста является научная достоверность и обоснованность объективных выводов эксперта при интерпретации материала. Обоснованность может основываться на языковых

данных, кодифицированных в словарях разных типов, но с учетом высокой скорости изменения значений некоторых лексем и выражений в связи с появлением бесконтрольного информационного поля сети «Интернет», толковые словари просто не успевают фиксировать новые языковые явления и значения. Благодаря развитию информационных технологий появился тандем лингвистики и программирования – корпусная лингвистика. В настоящее время существует два крупных корпуса на русском языке: «Национальный корпус русского языка» и «Русская корпусная грамматика». Эти два корпуса значительно облегчают жизнь и экономят время, потраченное на поисково-исследовательскую деятельность специалиста в области лингвистики. Так, в НКРЯ существуют как отдельные подкорпуса (акцентологический, газетный, мультимедийный и т.д.), так и возможность создания своего подкорпуса. Метод контент-анализа позволяет найти словоформу в большом количестве ее проявлений – НКРЯ содержит сотни миллионов различных контекстов употребления словоформы в различных ситуациях общения.

Таким образом, толковые словари отражают нормированный литературный язык, но ситуация общения в информационном пространстве масс медиа собеседников, имеющих различный уровень образования и социализации, предусматривает, что в Интернет-пространстве нормированность языка находится в расшатанном состоянии. Без использования корпусных технологий при лексико-семантическом анализе контекста невозможна объективная лингвистическая экспертиза. При текстологическом анализе корпус русского языка помогает находить случаи интертекстуальности, то есть фиксирует случаи употребления, а не норму употребления.

2.2. Эксплицитные и имплицитные признаки оценочности в медиатекстах религиозного дискурса

В настоящее время религиозная среда проникает не только в духовный мир человека, но старается внедриться и в другие сферы его жизнедеятельности. Это общеизвестный факт. Мы можем наблюдать недопустимую пропаганду, проводящуюся в светских образовательных учреждениях. В ущерб рабочей программе школьников и студентов снимают с занятий. Это возмущает общественность по той причине, что многонациональный народ, проповедующий не только православие, вынужден насильно слушать информацию от священнослужителей различного сана. Происходит естественное отторжение навязываемого, что отражается в речевых действиях недовольных граждан светского государства. В то же время, верующую часть населения оскорбляет подобное отношение, и они пользуются законным правом, защищающим их религиозное чувство и свободу вероисповедания. Это происходит не только в России, но и в других цивилизованных странах. Одним из примеров отношения к подобному явлению может быть текст известного стендап-комика Джорджа Карлина, выступления которого очень распространены в социальных сетях:

«Религия – это как пенис. Нормально, когда она тебя есть. Приятно, если вы гордитесь им. Но, пожалуйста, не доставайте и не размахивайте им на людях. И ПОЖАЛУЙСТА не суйте его в горло моим детям».

Одним из приемов комического отображения реальной действительности является прием несоответствия. В данном сверхфразовом единстве наблюдается смешение профанного и сакрального (подробнее об обнажающей инвективе в монографии В.И. Желвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема», 270) через развертывание метафорического образа высокодуховного сакрального явления (религия) как

мужского генеративного органа (пенис). В данной метафорической модели это является понятийной сферой. В контексте высказывания можно последовательно вычленить периферийные метафорические модели с помощью пропозиционных и релятивных частей. Все предложения сложного синтаксического целого анафорически связаны с первым с помощью словоформ местоимения «он»: «Нормально, когда пенис (религия) у тебя есть», «Приятно, если вы гордитесь пенисом (религией)», «Но, пожалуйста, не доставайте пенис (религию) и не размахивайте пенисом (религией) на людях.» «И ПОЖАЛУЙСТА не суйте пенис (религию) в горло моим детям». Сверхфразовое единство делится на две смысловые части, отделенные друг от друга противительным союзом «но». Первая смысловая часть имеет частнооценочное наречие «нормально», которое, исходя из контекста, в классификации Н.Д. Арутюновой имеет эмоционально-этическую окраску; и частнооценочное наречие «приятно» с эмоционально-эстетической окраской. Оценочный предикат «гордитесь» по шкале Е.М. Вольф приближается к категории «хорошо»:

ГОРДИТЬСЯ – испытывать гордость от чего-н. *Гордиться успехами.*

ГОРДОСТЬ – 1. Чувство собственного достоинства, самоуважение. 2. Чувство удовлетворения от чего-н. *Гордость победой* [Ожегов 2008: 138].

Таким образом, первая смысловая часть сверхфразового единства имеет эксплицитно выраженную оценку в группе частнооценочных наречий и оценочного предиката.

Вторая смысловая часть контрастирует с первой с помощью противительного союза «но». В синтаксической структуре этой части использован прием парцелляции, соединяющим элементом является союз «и». Учитывая метафорическое профанное сравнение религии как пениса, пропозиция этой части заключается в просьбе, выраженной в этикетной форме междометием «пожалуйста», которое употребляется повторно в парцеллированной части с графическим выделением букв в прописные, что усиливает эмоциональность и настойчивость просьбы («ПОЖАЛУЙСТА»). В

связи с тем, что анафорическая связь в тексте подразумевает генеративную мужскую часть тела, то и предикаты «не доставайте», «не размахивайте», «не суйте» относятся к этому субъекту в контексте релятивной части «на людях». В ходе интерпретационного анализа выявлено, что содержательно-концептуальная информация второй смысловой части раскрывается в контекстуальных пропозициях: адресат речевого высказывания просит не заниматься девиантными формами сексуального отклонения эксгибиционизмом и педофилией (оральной формой секса – «*не суйте его в горло моим детям*»).

В контексте всего сложного синтаксического целого метафорическая модель «Религия - пенис» содержит периферийный фрейм «форма сексуального поведения» и комический прием несоответствия сравниваемых объектов сакрального и профанного. Профанная просьба не заниматься эксгибиционизмом и педофилией выражена эксплицитно, но содержательно-концептуальная информация показывает, что эта просьба относится к религии в пропозиции «Просьба людям, относящимся к какой-либо конфессиональной группе не насаждать религию насильно, в том числе детям» и выражена *имплицитно*.

Таким образом, в данном тексте основным средством выражения оценочности является *развернутый метафорический образ*, сохраняющийся на протяжении всего речевого высказывания. Оценочность усиливается за счет использования приема *парцелляции* и *графического выделения* отдельных лексем как способ обратить особое внимание на этикетную форму просьбы с признаком ироничности.

Примером из реальной практики одного из превентивных анализов по делам ст. 148 УК РФ может служить заключение специалиста, в котором главную роль играет религиозный дискурс и спорные оценочные суждения:

Заключение специалиста

На разрешение специалиста поставлен следующий вопрос:

Содержатся ли в представленных материалах элементы публичных действий, направленных на оскорбление чувств верующих?

Исследование

Вопрос, поставленный перед специалистом, имеет очень размытое толкование, так как нужно уточнить, каковы критерии публичности, что понимается под действиями, какую часть общества можно назвать «верующими». Специалист при исследовании материала руководствуется только своими компетенциями, поэтому выявить оскорбление может только суд, специалист же может выявить «неприличную форму» речевого высказывания, если таковая имеется в материале. Графические изображения (фотографии, представленные в скриншотах) не исследуются, так как также не входят в компетенцию лингвиста-эксперта.

Таким образом, вопрос следует переформулировать так:

Имеются ли в представленных материалах речевые действия (высказывания), содержащие резко негативную отрицательную оценку в неприличной форме, направленную на конфессиональную группу «верующие»?

Осмотр представленных материалов («Скриншоты исследования страницы Юсупова в Инстаграм 29.07.2016») показал, что фрагменты, подлежащие исследованию, содержатся в таких высказываниях:

1. «ой чувство верующих... Ну пиздец, да срал я на ваши церкви и Иисуса!» (авторская орфография и пунктуация сохранены).

2. «болезненных старушки дёсен

коснулся членом иисус

и сразу ранки затянулись

и зубы новые растут» (авторская орфография и пунктуация сохранены).

Фрагмент 1. *«ой чувство верующих... Ну пиздец, да срал я на ваши церкви и Иисуса!»* Субъектом оценки является пользователь под именем «russiche_riter». В синтаксическом плане субъект эксплицитно выражен в группе подлежащего местоимением 1-ого лица «я». «Субъект оценки и

субъект речи совпадают, если речь ведется от первого лица» [Вольф 2006: 74].

Объектами резко отрицательной экспрессивной оценки являются «церкви», «Иисус», что в синтаксическом плане выражено в релятивной группе дополнений, а в контексте сложного синтаксического целого (ССЦ) объектом так же является группа людей, принадлежащих к определенной конфессии (*ой чувства верующих*). Субъект ничего не сообщает о свойствах самих объектов, а лишь выражает свое отношение к ним. «Эмотивность (оценочность) есть основной признак предиката г в структуре А г В и реализуется в двух значениях – «хорошо - плохо». <...> «Эмотивный» (собственно оценочный) компонент характеризует прежде всего глаголы, которые, как уже говорилось, указывают лишь на отношение субъекта к объекту, но не обозначает свойств последнего» [Вольф 2006: 38]. Это выражено в предикате эксплицитного высказывания в сказуемом «срал». Данная лексема является инвективным экспрессивом и содержит в себе оценочный модус по теории речевых актов. Она является многозначной, но контекстуально подходит одно из ее значений:

СРАТЬ – Безразлично или пренебрежительно относиться к кому-либо или чему-либо, не проявлять никакого интереса к кому-либо, к чему-либо; плевать на кого-либо, на что-либо, не обращать внимания на кого-либо, на что-либо, игнорировать кого-либо, что-либо [Электр. ресурс].

Зачастую адресант, выражающий свое отношение к какому-либо предмету, свойству или явлению непосредственно или опосредованно эмоционально воздействует на адресата, то есть не всегда его иллюкутивной целью является именно стремление оскорбить или унижить объект своей оценки.

Таким образом, данное высказывание является эксплицитным оценочным и содержит элементы речевой агрессии, выраженные в предикате инвективного характера с *интенсификатором* (усилителем) в виде

табуированной вводной конструкции (*Ну пиздец*), что увеличивает степень отрицательного отношения субъекта к объекту высказывания.

Фрагмент 2. *«болезненных старушки дёсен*

коснулся членом иисус

и сразу ранки затянулись

и зубы новые растут»

Исследуемый спорный фрагмент следует рассматривать как художественную реальность. Наличие таких признаков как ритм, использование изобразительно-выразительных средств (инверсия, ирония, метафора), эмоциональность и сверхфразовое единство всего высказывания дают право отнести его к поэтическому тексту. Это вымышленная, условная реальность, которая не соотносится с жизненной (первичной) реальностью. Инвективную стратегию высказывания следует рассматривать в контексте национальной картины мира и этических представлений группы лиц, объединенных по конфессиональному признаку.

Как уже говорилось выше, высказывание содержит иронический компонент, который реализуется в плане содержания: отсылка на сакральное «чудесное исцеление» смешивается с профанной, так называемой обнажающей инвективой (подробнее об обнажающей инвективе в монографии В.И. Желвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема», 270). Использование иронии как средства выразительности всегда несет в себе имплицитный (скрытый) оценочный характер. Присутствие иронического компонента в контексте поэтическом сильнее имплицитно заложённую внутри высказывания оценку того или иного описываемого явления. Использование наименования сакральной силы и его генеративной части тела («стыдной части тела») восходит к представлениям древних людей, с одной стороны, как о табу, с другой стороны, как о магической творческой силе. Поэтому следует отметить, что оценка субъекта и интерпретация адресата высказывания может быть как похожей, так и абсолютно разной, что может привести к неуспешности речевого акта и

возможному конфликту. Поэтому решающим фактором понимания оценочного высказывания является социальное и профессиональное положения коммуникантов.

В высказывании не используется грубое экспрессивное наименование генеративной части тела, поэтому инвективная стратегия отсутствует.

Выводы:

В выделенном для исследования Фрагменте 1 содержится резко отрицательная оценка адресата, выраженная во мнении о сакральных объектах и конфессиональной группе «верующие». Выделенный фрагмент 2 не содержит резко отрицательной инвективной лексики.

Анализ спорного речевого медиаматериала художественного стиля

Еще одним примером из реальной практики может послужить комиссионное заключение специалиста, которое было дано на основе спорного речевого материала религиозного дискурса. Перед экспертами был поставлен следующий вопрос:

1. Имеются ли в представленных материалах смысловые элементы и особенности (выраженные лексическими средствами, визуальными художественно-изобразительными или иными средствами), содержащие негативную оценку, направленную на объекты религиозного почитания?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо проанализировать систему образов данного фильма.

Сюжет фильма сводится к противостоянию между группами персонажей. К первой группе относятся персонажи «Святой отец Михаил» и «Бог», ко второй - персонаж «Настоятель» и его помощники - персонажи «Дрочитель», «Провидец», «Прокладочник» и «Маг».

В обыденной картине мира адресата персонажи первой группы являются положительными, так как традиционно представляются носителями высоких идеалов (добро, справедливость, любовь и др.).

Персонажи второй группы с точки зрения развития конфликта в сюжете понимаются как отрицательные. Персонаж «Настоятель» ставит себе целью завоевать мир (реплика Настоятеля: «Теперь никто не помешает нам завоевать этот мир!»), с точки зрения традиционных представлений о противоборстве добра и зла персонаж «Настоятель» олицетворяет собой дьявола, который стремится свергнуть Бога с помощью своих помощников.

Персонажи–помощники с точки зрения номинации делятся на две группы: нейтральную, так как имена персонажей не несут в себе положительную или отрицательную коннотацию («Провидец» и «Маг» являются фэнтезийными персонажами, наделенными определенными сверхспособностями) и пейоративную (номинация «Дрочитель» несет в себе сему глагола со сниженной, грубой окраской «дрочить» ДРОЧИТЬ – 1. заниматься онанизмом [Елистратов 2005: 114]. В традиционных представлениях онанизм считается предосудительным явлением и не приветствуется в обществе. Данный персонаж имеет способность убивать людей с помощью мужского семени. Номинация «Прокладочник» несет в себе сему слова «прокладка», употребляемое в значении «средство женской гигиены». В речевом материале данный персонаж обклеен использованными средствами женской гигиены).

Персонажи «Бог» и «Святой отец Михаил» перекликаются с библейскими образами Бога-отца (реплика Бога: «Все верно, я размножаюсь лишь на одних прикосновениях. У меня даже сын есть. Я его зачал с четырнадцатилетней тёлкой и даже не получил статью за соращение») и архангела Михаила. Последний легко интерпретируется адресатом благодаря фоновым знаниям о библейском Архистратиге Михаиле – главе святого воинства Ангелов и Архангелов, который борется с дьяволом, а также благодаря использованию данного образа в разных видах искусства.

При изображении данных образов во всех трех частях фильма «Михаил против злых сил» наблюдается смешение профанного (мирского,

низменного) и сакрального (религиозно почитаемого). Это проявляется в следующем:

1. Приписывание персонажу «Настоятель» осуждаемое в обществе поведения (гомосексуализм и педофилия):

А) в первой части материала содержится следующая реплика персонажа «Настоятель»: «Все знают, что я гомосексуалист и педофил».

Б) персонажу «Настоятель» присуще речевое поведение, не соответствующее нормам общественной и религиозной морали, а именно использование обценной лексики (Настоятель: «Вообще похуй, хоть сдохни нахуй»).

2. В фильме создается уничижительный образ Святого отца: персонаж «Святой отец Михаил» изображается как амбициозный (реплика Михаила, выражающая его намерение убить Настоятеля: «Да я ему сам ебало сейчас пойду расшибу, мне похуй»), но слабый (во всех схватках Михаил проигрывает) и трусливый человек (Эпизод 2. «Бог» в сцене, где он побеждает персонажа «Дрочитель»: «Ты слишком слабый соперник для меня!»). Настоятель подходит к Господу со словами: «А может быть со мной сразишься?» Михаил при виде приближающегося настоятеля говорит: «Я съебываю.» [Михаил убегает в страхе. Господь встает.]

Во второй части материала также содержится фрагмент, в котором персонажу «Святой отец Михаил» приписывается гомосексуальная связь с отцом (Демон: «А что ты скажешь на это?») [Звук расстегиваемой ширинки, имитация процесса мастурбации. Лицо Михаила в мужском семени. Демон смеется.] Михаил на это отвечает: «У моего отца вкуснее»).

Кроме того, речь персонажа «Святой отец Михаил» изобилует грубой сниженной лексикой. (Михаил: «Я даже не знаю, как тебя назвать, кроме как пидор». Михаил в адрес Бога: «Ты вообще п... чмо!» [Господь утвердительно кивает в ответ]).

3. При создании образа «Бога» происходит дискредитация почитаемого религиозными людьми таинства исцеления прикосновением: отсылка на

сакральное «чудесное исцеление» смешивается с профанной, так называемой обнажающей инвективой (подробнее об обнажающей инвективе в монографии В.И. Желвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема», с. 270) в следующем фрагменте: Б: Пиздец! Я предупреждал, что он не сможет его осилить. [Берет «голову», встает и подходит к телу Михаила] – Как же этого петуха воскресить? [садится]. – Своим членом!)

Также дискредитируется почитаемый религиозными людьми акт непорочного зачатия через сопоставление сакрального таинства с профанным (совращение несовершеннолетней) в следующем фрагменте: [Бог опускает руки. Расстегивает ширинку, снимает штаны, остается в трусах]. «Угу. У тебя там ничего нет. – говорит Михаил. – Ни хуя себе» [Бог надевает штаны, застегивает ширинку]. Бог: «Все верно, я размножаюсь лишь на одних прикосновениях. У меня даже сын есть. Я его зачал с четырнадцатилетней тёлкой и даже не получил статью за совращение».

Персонажу «Бог» также приписывается порицаемое в обществе и противоречащее религиозному мировоззрению поведение - некрофилия (Последняя реплика персонажа «Бог» в фильме: «Не знаю, что ты будешь делать [бьет Михаила ножом в живот. Михаил падает.]... А я буду заниматься сексом с твоим трупом»).

Персонаж «Бог» также использует обценную лексику в своей речи (Михаил: «Господь! Прости мою душу грешную за то, что я бросил тебя в такой ответственный момент.» Бог: «Да ты сыкло ебаное! ... Ладно, забудем о наших разногласиях. Без моих сил будет очень сложно победить настоятеля»).

Таким образом, данные медиаматериалы, представленные в виде фильма, состоящего из трех частей, содержат негативную оценку ряда персонажей, прототипами которых являются объекты религиозного почитания: Бог, Архангел Михаил, а также представитель церкви, которым приписывается аморальное с точки зрения общества и религии поведение, что создает их искаженный сниженный образ, противоречащий

традиционному религиозному мировоззрению. Кроме того, в материале присутствуют эпизоды, в которых дискредитируются почитаемые религиозными людьми священные таинства «чудесного исцеления» и «непорочного зачатия».

Вопрос 2. Содержится ли в данных материалах информация, направленная на унижение достоинства человека, а также на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к группе лиц, выделенной по признакам отношения к религии?

Исходя из анализа сюжета и системы образов (см. ответ на вопрос 1), мы обоснованно можем отнести данный медиаматериал к комедийному жанру, так как созданные в фильме персонажи «Бог», «Святой отец Михаил», «Настоятель» формируются с помощью такого приема комического как *травестировка*. «Травестировка (иногда считают ее формой пародирования). В отличие от собственно пародирования (преувеличивающего характерные черты, зачастую отрицательные стороны явления) цель травестировки заключается в унижении, в дениграции и вульгаризации тех явлений, которые считаются достойными, заслуживающими уважения или даже преклонения. Так поступал Рабле с рыцарями и монахами, а также со всеми сословными атрибутами. Мессы, проповеди, молитвы, требники, сутаны — все это было сброшено им с высоты священнодействия и сведено к уровню земных прозаических явлений. Более мягкая и менее злая травестировка монашеской жизни дается в «Монархомахии» Игнация Красицкого. В отношении идеалов христианства и буржуазной демократии той же техникой пользовался и Анатолий Франс («Таис», «Чудо св. Николая», «Остров пингвинов») [Дземидок 1974: 70] В данном материале примерами травестировки служат эпизоды, в которых адресатом могут интерпретироваться священные образы и религиозно почитаемые таинства (см. ответ на вопрос 1). В связи с этим идейный смысл данного материала заключается в создании художественной реальности, в которой комически осмысляются религиозные образы и таинства. Реплики персонажей также

являются частью художественной реальности и должны осмысляться в её рамках. Речевые акты угрозы (реплика Михаила, выражающая его намерение убить Настоятеля: «Да я ему сам ебало сейчас пойду расшибу, мне похуй») и оскорбления (Бог: «Да ты сыкло ебаное!», содержащиеся в фильме, направлены на персонажей и не имеют отношения к реальной действительности.

Кроме того, в видеообращении авторы фильма обосновывают создание данного фильма своим желанием привлечь внимание Интернет-сообщества и прославиться («...Если вы знаете хорошую программу, то посоветуйте её в комментариях или просто покажите свою любовь, поставив..ну, тысячу лайков. Спасибо за просмотр. Подписывайтесь на канал! Вступайте в официальную группу!... Пока!»). Это выражено в предикатах ряда побудительных предложений: «...покажите свою любовь...», «Подписывайтесь на канал!», «Вступайте в официальную группу!».

Таким образом, мы полагаем, что данные видеоматериалы не содержат информации, направленной на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к группе лиц, выделенной по признакам отношения к религии. Однако в материалах содержатся признаки дискредитации священных образов и таинств, являющихся объектом религиозного почитания, которые осуществляются через создание уничижительных образов и смешение сакрального и профанного.

Выводы

1. Представленные для анализа видеоматериалы содержат ряд эпизодов и образов, в которых проявляется негативная оценка, направленная на объекты религиозного почитания (см. исследование по вопросу № 1).

2. В исследуемых материалах не содержится информация, направленная на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к группе лиц, выделенной по признакам отношения к религии, однако содержатся признаки дискредитации священных образов и таинств, являющихся объектом религиозного почитания, которые осуществляются за

счет смешения сакрального и профанного (см. исследование по вопросу № 2).

Анализ видеоматериала, содержащего религиозный дискурс и признанного экстремистским²

Проникая во все глубину мира, религия сплетается с политической, экономической, социальной, этнической и другими сферами, что доказывает ее особую разноплановость. Государство может вмешаться во внутренние дела другого государства. Группа людей под прикрытием религиозных убеждений может подрывать национальное единство и суверенитет. Человек может нарушать права других и подрывать социальную стабильность, прикрываясь верой. Такие поступки не только дискредитируют веру, но и вредят общественным интересам. Все конфессии должны сохранять чистоту веры и возвращать религии свою истинную суть, чтобы устранять любую возможность для использования ее в противоправных целях. Современный мир находится в состоянии непрекращающихся споров о политических мотивах, экономических интересах частых территориальных войн за ресурсы и по этническим причинам. Так же мы должны сопротивляться и осуждать использование религии как толчка к конфликту.

Обороняться от религиозного экстремизма – достигнуть гармонии. Все религии стремятся к миру, стоят против жестокости, превозносят вселенскую любовь и проповедуют добродетель. Однако, когда люди сбиваются с пути, они могут стать восприимчивы к фанатизму и, в конце концов, попасть в ловушку экстремизма. Разжигание ненависти или даже террористическая деятельность под маской религиозных убеждений носит деструктивный характер и стало угрозой для всего мира. У религиозного экстремизма глубокие социальные и исторические истоки. Мировое сообщество должно создать новую международную судебную организацию, чтобы уничтожить

²Видеоматериал в списке экстремистских материалов под номером 4086. «Шутка про Коран», начинающийся со слов мужчины стоящим на сцене «Ксюха меня подставила» на фоне плаката SQUAT Cafe и заканчивающийся словами того же мужчины «не надо меня расстреливать, это Библия», общей продолжительностью 2 минуты 14 секунд (решение Заводского районного суда г. Грозного от 22.02.2017) http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=20;

быстро распространяющийся экстремизм. Также, все религии с чувством радости должны продвигать в своих учениях принципы любви, сострадания, умеренности и сдержанности. Эти постулаты помогут сопротивлению и предотвращению любой экстремистской деятельности, поддерживать внутренний порядок и сохранять определенную позицию относительно терроризма. В то же время, нельзя возлагать ответственность за терроризм на одну конфессию – это приведет к большей ненависти. Наконец, нам нужно избегать двойных стандартов в борьбе с экстремизмом и терроризмом. В противном случае мы просто будем кидать поднятые нами камни себе же на ноги, никому не принося пользы.

В последнее время эксперты в исследовании спорного речевого материала для объективности и прозрачности полученных результатов своего заключения прибегают к ассоциативному эксперименту. Мы считаем, что это один из важнейших элементов исследования, так как ограничивает исследователя в даче субъективной интерпретации, исходящей из внутренних убеждений эксперта. Это особенно важно в контексте ситуации, создавшейся вокруг правоприменительной деятельности по делам о разжигании вражды к различным группам (этническим, религиозным и т.д.) и особенно с вступлением в силу закона о свободе совести и вероисповедования (статья 148 Уголовного кодекса РФ). Зачастую применение этого права в судебной системе основывается на внутреннем убеждении судьи и его личным отношением к религии. Также проблемой является то, что юридический статус оскорбления не совпадает с повседневным, бытовым использованием этого слова. С правовой точки зрения оскорблением называют обнародованное речевое действие, совершенное в неприличной форме с обвинением в нарушении общепринятых норм и законов. С бытовой же точки зрения оскорбиться – значит сильно обидеться, и в судебном процессе возникает подмена понятий. У каждого человека своя грань ранимости, она может быть сильной или слабой, это субъективное ощущение. Но проблема заключается в том,

недобросовестные граждане могут использовать эти законы в корыстных целях путем манипуляции своими внутренними ощущениями, называя рациональную критику оскорблением. Критика всегда содержит в себе оценочный модус выражения своего или коллективного мнения. Поэтому для объективного суждения исследователи прибегают к ассоциативному эксперименту. В первой главе данной работы упоминалось о том, что оценочность содержит в себе шкалу «хорошо-плохо», характеризующую отношение субъекта к объекту оценки. В рамках круглого стола на тему «Конфликт и его роль в жизни общества», проходившего 6.04.17 нами был проведен ассоциативный эксперимент среди 38 участников разного пола, возраста и социального статуса. Целью эксперимента являлось выявление отношения участников к показанному видеоматериалу, который по состоянию на 20.04.2017 является экстремистским и запрещен к распространению. Мы создали несколько оценочных шкал, которые выявляли отношение респондента с точки зрения индивидуальных ощущений и общественных. Крайними точками шкалы являлись цифры от 1 до 10, где 1 – низшая степень проявления, 5 – нейтральное отношение, 10 – высшая степень проявления:

Таблица № 1

	Степень проявления	Специализация	Возраст	Пол
Безобидное – обидное				
Несмешное – смешное				
Неприемлемое – приемлемое				
Неэтичное – этическое				
Безопасное – опасное для общества				

Респондентами являлись студенты и магистры различных гуманитарных направлений в возрасте 18-25 лет, а также преподаватели и приглашенные гости (40-60 лет). Результаты эксперимента:

1) Видеоматериал носил безобидный характер для 10% респондентов в возрасте 18-25 лет (специализация «Журналистика» и «История») и обидный характер для 70% участников в возрасте 40-60 лет. 20% участников выразили нейтральное отношение.

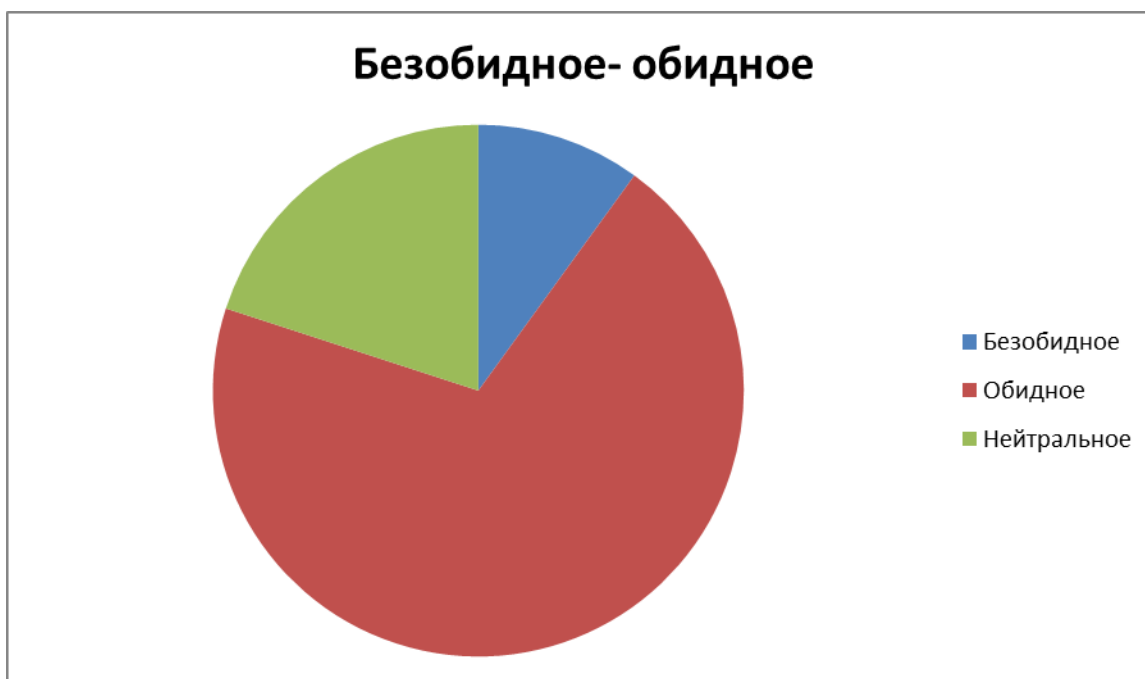

Рисунок 4.

2) Представленный для просмотра материал был воспринят как смешной 10% респондентов в возрасте 18-25 лет и как несмешной 90% участников обоих

возрастов.

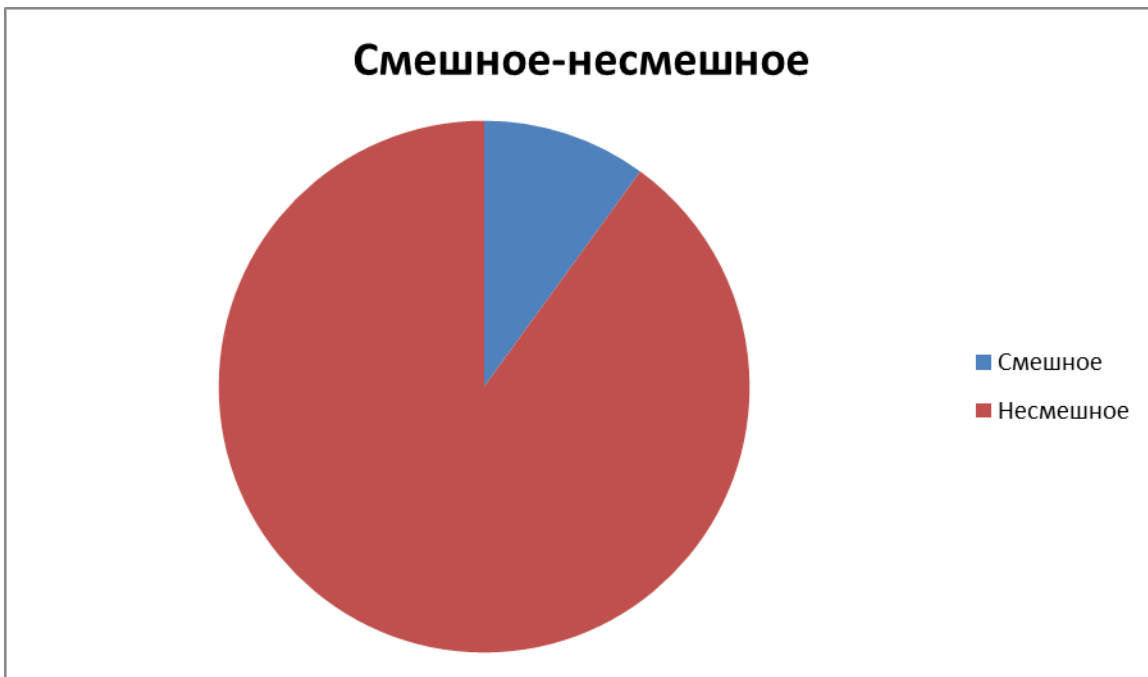

Рисунок 5.

3) 60% опрошенных обоих возрастов выразили мнение, что данный видеоматериал неприемлем с точки зрения морально-нравственных ценностей, 40% выразили нейтральное отношение.

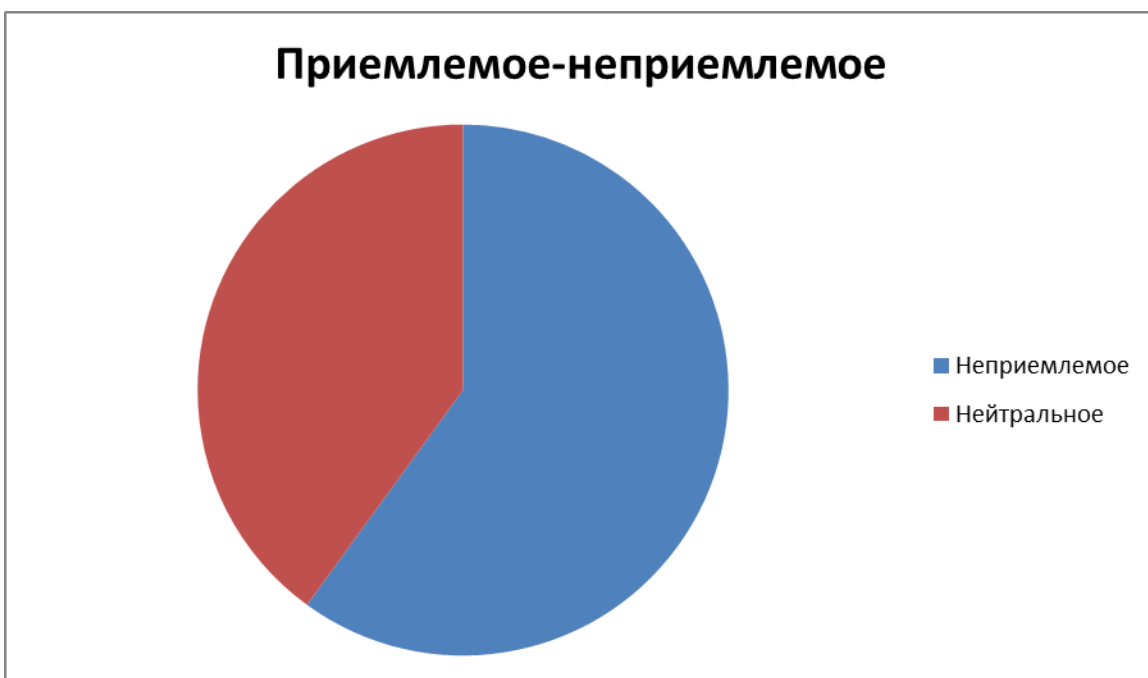

Рисунок 6.

4) 0% респондентов назвали стендап «Шутка про Коран» этичным, 40% опрошенных в возрасте 18-25 лет нейтрально отнеслись к этичности-неэтичности содержания материала и 60% обоих возрастов назвали его неэтичным.

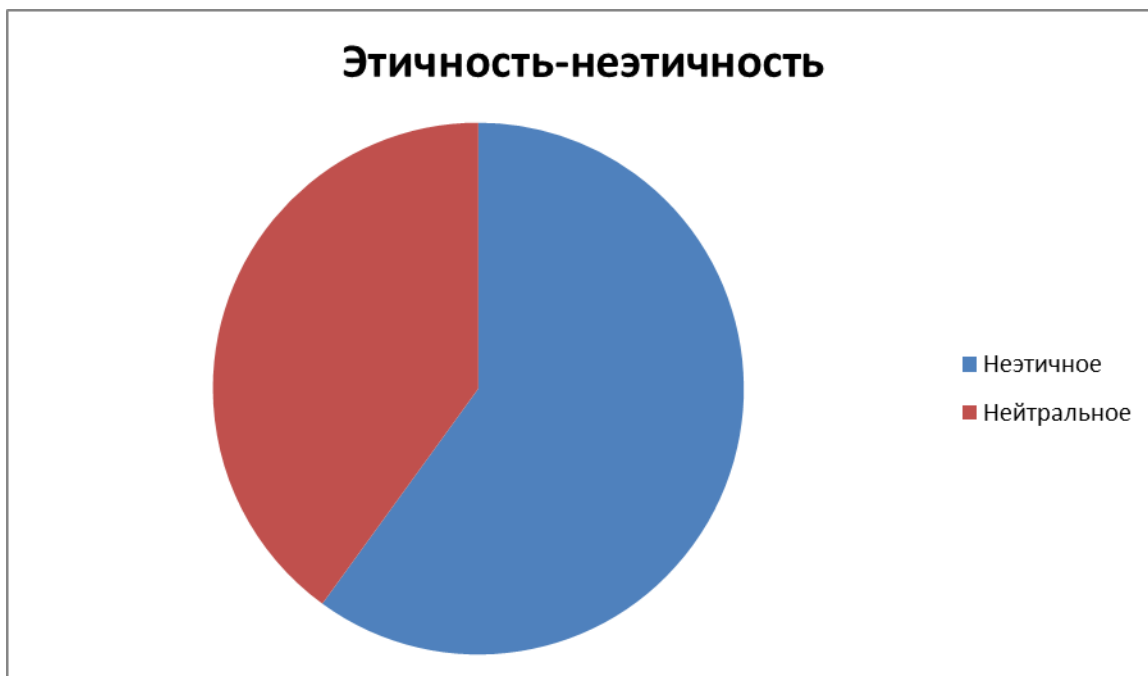

Рисунок 7.

5) 0% участников эксперимента назвали ролик безопасным, 50% респондентов в возрасте 18-25 лет выразили нейтральное отношение и респонденты в возрасте 40-60 лет назвали видеоматериал опасным для

общества.

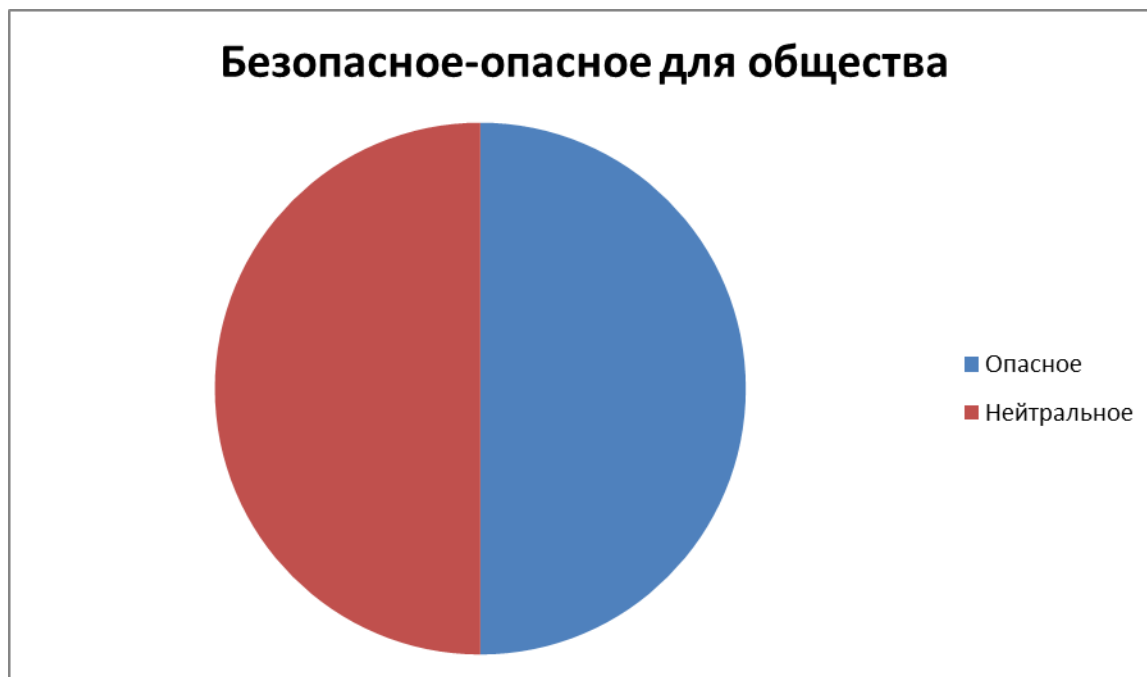

Рисунок 8.

Таким образом, подведение результатов ассоциативного эксперимента показало, что респонденты, имеющие высшее или неоконченное высшее образование в различных гуманитарных областях в целом поделились на 2 возрастные группы по признакам индивидуального отношения и общественного. Респонденты в возрасте 18-25 лет в основном оценили представленный видеоматериал как не наносящий им личную обиду, они не считают содержание данногостендапа смешным. Большинство молодых людей выразили нейтральное отношение с точки зрения приемлемости и этичности, небольшая часть из них не считает его приемлемым и этичным. В подавляющем большинстве молодые люди ответили, что ролик не представляет опасности для общества и не будет являться причиной появления конфликтов на религиозной основе.

Респонденты в возрасте 40-60 лет посчитали, что данный видеоматериал способен нанести личную обиду. Для участников ролик оказался несмешным, неприемлемым с точки зрения нравственных и моральных ценностей и неэтичным. Подавляющее большинство опрошенных посчитали, что ролик может быть опасен для общества и способен разжечь

вражду на религиозной почве. Отметим, что ни один из респондентов данной возрастной группы не отмечал в своем опроснике нейтральную позицию.

В ходе анализа результатов эксперимента было выявлено, что респонденты не отмечали крайние точки эмотивных шкал «Этичное», «Безопасное», «Приемлемое». Это произошло по причине того, что группа участников 18-25 лет в основном выражала нейтральное отношение по этим критериям, а группа участников 40-60 лет отмечали максимальную оценку на точках «Неэтичное», «Небезопасное», «Неприемлемое».

В том числе был проведен лингвистический анализ речевого продукта на основе установленного текста в виде стенограммы.³

В ходе исследования был использован метод обобщения смыслов, который заключается в свертывании текста и формулировке утверждений. Учитывая специфику данного комедийного жанра, нельзя с точностью утверждать, является ли эта история, рассказанная стендап-комиком, действительно произошедшим событием, выдуманной шутливой историей или свободной импровизацией. Сюжет выступления заключается в том, что комик от своего имени (это выражено личным местоимением «я») рассказывает о случае, когда он пошел в туалет и взял с собой Коран, с содержанием которого он хотел ознакомиться. В это время в комнате сидела его девушка («Ксюха») и слушала музыку через музыкальный плеер. Комик в лице героя рассказа осознал, что в туалете нет туалетной бумаги. Далее место действия истории переносится в комнату, где герой задается вопросом: *«ты блять представляешь что мне пришлось сделать?»* в этот момент

³Хорошо / Ксюха один раз подставила меня пророком Муххамедом / я блять купил Коран чтобы почитать / что ж там написали-то // я блять купил себе Коран и говорю / Ксюша я пойду в туалет почитаю Коран блять / потому что я читаю только там // [отрезок неустановленного текста] // я пришел в туалет / сел / читаю суры / и тут понимаю что в туалете нет блять туалетной бумаги / да но мне же надо было чем-то вас смутить // хорошо / но ни у кого нет поясов шахидов? / я сижу на толчке и смотрю вокруг ну вообще голяк / я думаю ебаный в рот / с другой стороны меня не показывают на ютьюбе / меня вообще никто не видит / я не то чтобы верю в Аллаха / я конечно почитал мне что-то понравилось но / блять / я вышел из туалета зашел в комнату и / Ксюха лежит и слушает Greendaублять в плеере / я говорю ты не слышала как я орал что у меня нет бумаги? / ты блять представляешь что мне пришлось сделать? / [смех в зале] твою мать / мне пришлось подтереться носком сука / я его даже принес / это блять так унижительно / но слава богу с Кораном ничего не случилось / [кладет носок как закладку в книгу и закрывает ее] / [смех и аплодисменты в зале] / я всегда говорил что шутки о религии абсолютно [...] / но не переживайте не переживайте ребят / не надо не надо меня расстреливать / это библия все нормально.

создается комическая пауза, после чего автор достает носок, Коран не был испорчен. Книга оказывается Библией, в которую он кладет носок.

Композиция речевого материала представляет собой текст, разделенный на экспозицию, основную повествовательную часть, заключающуюся в логическом перечислении последовательности действий («купил Коран», «пойду почитаю», «пришел», «сел», «читаю»), комические переходы (*и тут понимаю что в туалете нет блять туалетной бумаги*), сменой пространства действия (*я вышел из туалета и зашел в комнату*), новой смены действия, отвечающий на зрительскую интригу, которая вызывает комический эффект (*мне пришлось потереться носком сука*) и финал, в котором содержится основная содержательно-концептуальная информация, раскрывающая идейный смысл комического произведения.

С точки зрения речевого акта эффект «комического» достигается за счет введения в сюжет неожиданной трудности, с которой сталкивается герой истории. Комический эффект в сложившейся ситуации достигается с помощью смешения предмета речи «Коран», который является священной религиозной книгой и объектом почитания многих верующих последователей, и местом, в котором происходит ознакомление с содержанием сакральной книги – туалет - в котором справляются физиологические потребности, противопоставленные духовным в системе человеческих ценностей. Зрительская когнитивная база логически продумывает дальнейший сюжет, первоначально связывая проблему с самым простым решением: использовать листы Корана в качестве туалетной бумаги. Аудиторное ожидание подкрепляется вопросом комика (*ты блять представляешь что мне пришлось сделать?*), после которого звучит смех в зале как результат логического построения дальнейших действий. По классификации Дземидока такой прием «комического» возникает вследствие нарушения логики построения высказывания, что проявляется на лексико-семантическом уровне (смешение несовместимых понятий профанного и сакрального) и достигается путем резких поворотов в теме, которые служат

для катартического восприятия аудитории. Катарсис в данном отрезке возникает благодаря разрешению интригующего выхода из затруднительной ситуации (не листы Корана, а носок).

Далее возникает новый резкий поворот в теме, основанный на приеме несоответствия. В контексте данного видеоматериала несоответствие проявляется на уровне высказывания и последующего за ним действия (*но слава богу с Кораном ничего не случилось [кладет носок как закладку в книгу и закрывает ее]*).

СЛУЧИТЬСЯ – Произойти, совершиться [Ожегов 2008: 733].

На протяжении всего стендапа до момента данного высказывания комик держит книгу, которая в контексте истории ассоциируется именно с предметом речи – Кораном. Автор говорит, что никаких профанных действий со священной книгой не произошло и в следующий момент совершает ряд действий (кладет уже известный носок, который разрешил предыдущую стоящую перед автором проблему в книгу, в сознании аудитории являющейся именно Кораном), что не вписывается в структуру мышления наблюдателя. Такой резкий несоответствующий этическим нормам поворот в логико-смысловом плане создает комический эффект, который реализуется в катартическом смехе и аплодисментах аудитории.

В финале стендапа без отдыха после предыдущего катарсиса снова происходит резкое несоответствие той воспринятой информации и новой, которая реализует комический компонент в лексико-семантическом плане благодаря противопоставлению контекстуальных антонимов «Коран-Библия». В контексте всего сверхфразового единства последний логико-смысловый поворот содержит главную концептуальную информацию: это не Коран, это Библия.

Градус конфликтогенного потенциала в контексте всего речевого высказывания уменьшается за счет частотного немотивированного употребления обценных и бранных междометий (блядь, сука) и увеличивается за счет авторских ремарок:

1) Мотивировка чтения Корана в туалете является причинно-следственным явлением личного предпочтения (*потому что я читаю только там*);

2) Подготовка к созданию комического эффекта, заключенного в резком сюжетном повороте, при котором перед автором стоит неразрешимая задача, и ожидания катарсиса (*ну мне же нужно было вас чем-то смутить*)

СМУТИТЬ – 1. Привести в смущение, замешательство [Кузнецов 2000: 1220];

СМУТИТЬ – Привести в смущение [Ожегов 2008: 737];

СМУЩЕНИЕ – Замешательство, состояние застенчивости, стыда [Ожегов 2008: 737];

СМУТИТЬ – привести в смущение, сконфузить, заставить покраснеть, обескуражить, вогнать в краску (разг.) [Электр. ресурс].

Исходя из принципа атрибутивного метода и дополнительности словарного описания, в контексте высказывания дефиниция приобретает новое семантическое значение – вызвать эмоциональное напряжение, которое возникает вследствие смешения и несоответствия моральных принципов с низменными потребностями, что не сочетается в мышлении реципиентов речевого действия.

3) Следующее высказывание, которое является авторским отступлением, выражено в экспрессивной вопросительно-отрицательной форме (*ни у кого нет поясов шахидов?*). Синтаксическая структура вопросительного предложения содержит двойное отрицание, выраженное с помощью частиц «ни» и «нет». Высказывание обращено к аудитории в качестве предосторожности, выраженной в ироничной форме. В контексте сверхфразового единства происходит развертывание ассоциативного ряда: «Коран – представители Ислама – пояс шахида – террористический акт».

По данным сайта «Академик» словосочетание ПОЯС ШАХИДА квалифицируется, как «самодельное взрывное устройство, которое террорист-смертник надевает на тело под одежду для совершения убийства

(обычно массового) путем самоподрыва» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1104110>]. «Национальный корпус русского языка» демонстрирует выборку речевых высказываний, где данное словосочетание реализуется в контексте «террористический акт», например: «Пока террорист демонстрировал «пояс шахида», один из милиционеров незаметно поднялся по приставленной лестнице и трижды выстрелил через стекло, целясь преступнику в ноги» или: «Вербовщики всегда найдут в нынешней Чечне столько согласных надеть на себя так называемый «пояс шахида», сколько им будет нужно для рентабельности своего кровавого бизнеса» [Электр. ресурс].

1) Автор в отступлении от основного сюжета эксплицитно и в ироничной форме выражает свое мнение об отношении к религии Ислам (*я не то чтобы верю в Аллаха / я конечно почитал мне что-то понравилось но / блять /*). В контексте сложного синтаксического целого и принципа дополнительности словарного описания частица НЕ ТО ЧТОБЫ вместо кодифицированного значения «неопределенности оценки признака или действия» [Ефремова 2000: 649] приобретает значение, которое используется в современной молодежной среде в иронической или стёбной форме: «ироничное отрицание с дополнительной модальностью насмешливого отношения к кому-либо, чему-либо». «Национальный корпус русского языка» показывает возрастающую статистику словоупотребления данной частицы в период с 2010 по 2014 гг. особенно в публицистическом стиле. Примером может служить выдержка из статьи газеты «Комсомольская правда»: «Упиралась она в дверь комиссии. – Жириновский правда у вас преподает? – интересуюсь я. Сотрудницы обменялись ехидными улыбками: - **Не то чтобы** преподает... Но он здесь появляется» [Электр. ресурс]. Высказывание имеет форму *мнения-оценки* по отношению к мусульманской конфессии и Корану.

2.3. Эксплицитные и имплицитные признаки оценочности в медиатекстах политического дискурса

Преднамеренная игра с реальностью, спрятанная в медийном дискурсе дает автору иллюзию свободы. За внешним пространством текста скрывается плотный профиль личности, совесть его эпохи, которая должна быть отображена в глубинных переплетениях текста. Все скелеты в шкафу истории находятся благодаря раскаянию, биографиям, мемуарам, дневникам, иронии, самоиронии, самых разных предположений о Создателе как совести общества. Негласная игра между подлинностью и неоднозначностью позволяет автору обвинять тоталитарную систему. Таким образом, художественность языка подавляет конфликт между адресатом и адресантом в лице политической власти.

С развитием информационных технологий такие источники получения информации как радио и телевидение постепенно отходят на второй план. Это связано с тем, что новостные каналы в массовом сознании молодого поколения граждан не являются идеологическими эталонами, так как само понятие идеологии для современных людей в силу демократизации общества неактуально. Поиск истинного положения дел в мире и стране, а не поиск подтверждения величия своей страны привел к возрастающей потребности в различных, полярных источниках информации. Такие поиски формируют особую, индивидуальную политическую картину мира адресата информации. В Интернет-пространстве формируются различные дискуссионные площадки (новостные интернет-издательства, социальные сети, форумы, блоги и т.д.), где любой пользователь сети, скрывая или не скрывая свою личность, может свободно высказать свою точку зрения на предмет какого-либо политического явления. Попытка такого своеобразного построения диалога народа с властью предпринималось еще до эры развития информационно-коммуникативных технологий. Жанр «открытого письма» как публичного выступления активно развивался в эпоху печатной прессы. «Открытое

письмо» имело намерением скорее повлиять на общественное мнение, так как это публицистический жанр, то функцией такого текста является воздействие с последующим изменением концептуальной картины мира адресата, сдвиг или подтверждение его сформировавшегося убеждения. Как правило, «открытые письма» носят строгий, логически обоснованный характер изложения, но с использованием эмоционально-окрашенных слов, что сближает этот жанр с официально-деловым, учитывая адресата текста – лица или группы лиц, обладающих властью. Примерами таких писем могут служить «Письмо четырнадцати» (обращение футболистов национальной сборной России), «Письмо пятидесяти пяти» (опубликованное в Интернете обращение деятелей культуры по поводу дела ЮКОСа) и др.

Другим примером построения диалога с властью может служить речевое произведение в жанре открытого письма, опубликованное в начале 2012 года в связи с предвыборной кампанией В.В. Путина крупным предпринимателем и доктором технических наук Борисом Березовским. Генпрокуратура РФ сразу же после публикации направила материалы на лингвистическое исследование по факту наличия или отсутствия признаков свержения государственной власти и препятствию предвыборной кампании. Такие признаки квалифицируются статьей 282 УК РФ. В связи с тем, что на сайте Министерства Юстиции в списке экстремистских материалов по поиску «Открытое письмо» спорный текст не обнаружен, мы считаем возможным опубликовать его в настоящей работе для комплексного исследования наличия эксплицитных и имплицитных признаков негативно-оценочных высказываний, направленных на свержение конституционного строя РФ:

Данное речевое произведение выдержано в жанре «открытого письма»: оно имеет заголовок, который представляет собой обращение к официальному представителю власти «*Владимиру Путину*».⁴ Текст содержит

⁴Открытое письмо Владимиру Путину от Бориса Березовского <http://golishev.livejournal.com/2297623.html>.

текстообразующие признаки письма: обращение, основную часть, подпись адресата и дату написания письма.

Эксплицитное обращение к адресату имеет имплицитное обращение ко всей читательской аудитории интернет-сообщества «Живой Журнал», неограниченному кругу лиц и является публичным действием. С точки зрения речевого акта стоит рассматривать данный текст в целом как *призыв-обращение*. А.Н. Баранов в «Лингвистической экспертизе текста» дает такую трактовку призыва-обращения: «это сложный речевой акт в рамках общественно-политической коммуникации, представляющий собой связный текст, содержащий структурно более простые призывы, который предназначен для конкретного адресата – общества, социальной группы или значимого политического субъекта – и имеет целью побудить его выполнить действие (совокупность действий), рассматриваемое как важная часть общественно-полезной деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы» [Баранов 2013: 430]. Обращение к официальному представителю власти именем, используемым в кругу родственников, друзей и знакомых сближает социальный и профессиональный статус адресанта и эксплицируемого адресата и несет в себе ироническую окраску. По движению повествования такое «интимное обращение» в том числе с помощью использования местоимения 2-ого лица единственного числа в различных словоформах («...я обращаюсь к тебе...», «...я говорю с тобой...», «...Я знаю, как тебе тяжело...», «итог твоей эпохе»⁵) несет в себе насмешливый компонент с семой дружеского сближения. Адресант вступает как человек, который является близким другом, понимающим («я знаю, как тебе тяжело»), советующим («пойми») и так далее. Особенно сильно иронический потенциал проявляется в приеме *литотизирования* –

⁵Володя, сегодня православный мир входит в пост, посвященный Успению Пресвятой Богородицы. И сегодня я обращаюсь к тебе не как политик к своему оппоненту и не как гонимый к своему гонителю. Я говорю с тобой как христианин с христианином.

преуменьшения статусности прямого адресата путем обличения его диктаторской природы: *«И сегодня я обращаюсь к тебе не как политик к своему оппоненту и не как гонимый к своему гонителю. Я говорю с тобой как христианин с христианином»*. В Национальном корпусе русского языка лексема «гонитель» встречается в текстах художественной (35 словоформ), публицистической (35 словоформ) и церковно-богословской (7 словоформ) сферах функционирования. По тематикам текста лексема употребляется в «Политике и общественной жизни» и «Религии»: *«Жестокий гонитель церкви император Домициан приказал в числе христианских исповедников казнить и апостола Иоанна – ему дали выпить чашу яда, но отравы не подействовала»* [Электр. ресурс].

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова лексема «гонитель» классифицируется, как:

ГОНИТЕЛЬ – (высок.) Притеснитель, преследователь [Ожегов 2008: 137].

Политически-религиозная оппозиция «политик - оппонент», «гонимый - гонитель» перерастает в религиозное уравнивание статусов автора и адресата «христианин - христианин». Таким образом, ироническое оценочное проявление заключается в постепенном снижении образа тирана до образа просто человека-«христианина».

На протяжении всего текста разворачивается метафорическая модель православной концепции мира. В свою очередь эту модель можно поделить на фреймы (по терминологии А.П. Чудинова): «Христианские ценности», «Власть наместника Бога и судьбы». Фрейм «Христианские ценности» раскрывается в тексте путем использования определенной религиозной лексики с книжной коннотацией: *«сегодня православный мир входит в пост»*; *«Успению Пресвятой Богородицы»*; *«Прояви милосердие, чтобы заслужить милосердие», «выставляя себя абсолютно безгрешным»; «Тебе предстоит решить земную судьбу», «ангелами возмездия, которые тебя прогонят, или ангелами-хранителями, которые тебя спасут»;*

*«Оправдательный приговор PussyRiot – станет твоим покаянием. И перед Богом, и перед народом России. Пойми – покаяние, особенно публичное, особенно подкрепленное делом, – есть проявление силы, а не слабости».*⁶

В национальном корпусе русского языка устойчивое словосочетание «Успение Пресвятой Богородицы» встречается в текстах тематики «Религия» (3 вхождения), «милосердие» – «Религия» (117 вхождений). По этой лексеме найдено 29 документов под авторством архиепископа Платона, 29 документов митрополита Антония, 3 документа Иоанна Кронштадского и т.д. По лексеме «покаяние» в национальном корпусе русского языка под авторством епископа Игнатия встречается 119 словоформ, под авторством митрополита Антония – 91 словоформа, под авторством архиепископа Платона – 59 словоформ. Таким образом, можно путем применения статистических данных контент-анализа некоторых выделенных лексем сделать вывод о полной лексеме книжной религиозной тематики создают образ православной России, исполняющей ценности и религиозно почитаемые обряды и живущей по христианским принципам.

Метафорический фрейм «христианский властитель и судья» разворачивается в сочетаниях и лексемах «*решить земную судьбу*», «*приговор*», «*оправдание*», «*ангел возмездия*», «*покаяние*» и др. В сверхфразовом единстве «*17 августа тебе предстоит вынести приговор*

⁶17 августа тебе предстоит вынести приговор Маше Алехиной, Кате Самуцевич, Наде Толоконниковой. Я знаю, что на процессе есть судьи, прокуроры, следователи, но России и миру известно - приговор будешь выносить лично ты.

Прояви милосердие, чтобы заслужить милосердие.

Я знаю, как тебе тяжело, как тяжело тебе нести груз совершенных за 12 лет ошибок, ошибок трагических, подчас роковых. Тяжело настолько, что ты их отрицаешь на корню, выставляя себя абсолютно безгрешным: «Ошибка с точки зрения выбора...развития, выбора способа решения проблем... не было!» – этими словами ты подвел итог первым двум срокам своего президентства. Я знаю, как тебе тяжело, потому что знаю по себе, как тяжок груз непризнанных ошибок, – я нес их в своем сердце пока публично не покаялся. В том числе в своей главной ошибке – я ошибся в тебе, Володя.

Тебе предстоит решить земную судьбу трех девушек. И разделяет вас решетка: они на свободе – ты в тюрьме. Решай, кем станут в твоей судьбе эти девушки: ангелами возмездия, которые тебя прогонят, или ангелами-хранителями, которые тебя спасут. Твой обвинительный приговор – станет приговором самому себе. У диктаторов всегда так: не народ, а они сами выносят приговор себе. Народ только приводит приговор в исполнение. Оправдательный приговор PussyRiot - станет твоим покаянием. И перед Богом, и перед народом России. Пойми - покаяние, особенно публичное, особенно подкрепленное делом, - есть проявление силы, а не слабости. Володя, отпусти Россию и себя в эру милосердия.

Борис Березовский. 14 августа 2012 года

Маше Алехиной, Кате Самуцевич, Наде Толоконниковой. Я знаю, что на процессе есть судьи, прокуроры, следователи, но России и миру известно – приговор будешь выносить лично ты». Путем контекстуального анализа восстанавливается, кто подразумевается под словоформами «ты», «тебе». Это адресат письма, Владимир Путин, который в контексте СФЕ обретает полномочия судьи. Это выражено в предикате *«предстоит вынести приговор»* с реляционной частью, выраженной дополнением, *«тебе»*. Автор текста говорит о том, что, несмотря на наличие судей, законно обладающих полномочиями вынесения приговора, решать будет прямой адресат, что выражено в грамматической основе придаточной изъявительной части *«выносить приговор будешь лично ты»*. Устойчивое сочетание «выносить приговор» чаще используется в текстах тематики «Политика и общественная жизнь» по данным Национального корпуса русского языка (4 словоформы). Таким образом, происходит смешение не только полномочий законодательной и судебной власти, но и смешение светского и религиозного законов.

Также в тексте присутствует косвенного обвинение в преступлениях, совершенных адресатом письма. Оно также воплощается в метафорической модели христианских ценностей: *«Прояви милосердие, чтобы заслужить милосердие»*.

МИЛОСЕРДИЕ – (книжн.) Готовность из сострадания оказать помощь тому, кто в ней нуждается. *Проявлять милосердие*. [Ушаков: электронный ресурс].

В национальном корпусе русского языка устойчивое словосочетание «заслужить милосердие» имеет такой контекст: «Но после смерти уже нет покаяния и усопшие уже не могут заслужить милосердие Божие своими собственными силами» [Электр. ресурс].

С помощью интерпретационного анализа следует, что если судья Владимир Путин не вынесет оправдательный приговор Маше Алехиной, Кате Самуцевич, Наде Толоконниковой, то его самого ждет неизбежное

наказание за преступления, которые он совершил: *«Твой обвинительный приговор – станет приговором самому себе»*.

Два высказывания *«Прояви милосердие, чтобы заслужить милосердие»* и *«Твой обвинительный приговор – станет приговором самому себе»* являются полными синтаксическими синонимами, так как семантически несут в себе один и тот же посыл, который разворачивается с помощью разных лингвостилевых средств (книжная и нейтральная лексика).

В контексте всего речевого произведения под косвенным обвинением в преступлении понимается конец «открытого письма», в котором упоминаются политически ангажированные события с упоминанием точных дат: *«17 августа – день для России знаковый. 17 августа 1998 года случился кризис, который спустя ровно год привел тебя к власти, в кресло премьер-министра. 17 августа 2000 года, в самом начале своего президентства, ты, наконец, прервал свой отпуск в Сочи, на пятый день после гибели подводной лодки «Курск». 17 августа 2012 года подведет итог твоей эпохе»*. В данном сложном синтаксическом целом (ССЦ) присутствует анафорическая связь – «отношения между частями текста (между словами, словосочетаниями, высказываниями), при которых в смысл одного слова (словосочетания, высказывания) входит отсылка к другому слову (словосочетанию, высказыванию)» [Горбаневский 2006: 45]. Повторяющейся анафорической связью является повтор «знаковой» даты – 17 августа. Автор говорит, что в этот день В.В. Путин стал премьер-министром после кризиса. Местоимение «который» в придаточной части сложного предложения заменяет существительное «кризис» и берет на себя роль предиката в придаточной части: «кризис привел тебя к власти». В такой интерпретации звучит косвенное обвинение в незаконном получении властных полномочий. В сверхфразовом единстве продолжается анафорический прием, связывающий последующее событие: *«17 августа 2000 года, в самом начале своего президентства, ты, наконец, прервал свой отпуск в Сочи, на пятый день после гибели подводной лодки «Курск»*. В

данном высказывании звучит косвенное обвинение уже ставшего президентом («в самом начале своего президентства») В.В. Путина, в том, что он не сразу среагировал на катастрофу общенационального масштаба, случившуюся с подлодкой «Курск», в это время отдыхая: *«прервал свой отпуск на пятый день»*.

В контексте всего письма особенно выделяются предикаты с семой просьбы в форме глаголов повелительного наклонения и в косвенных синтаксических конструкциях. *«...я обращаюсь к тебе...»* – в данном предикате содержится семантический компонент адресованности:

ОБРАЩАТЬСЯ – адресоваться к кому-л., направлять кому-л. свои слова, речь и т.п. [Кузнецов 2000: 683].

Семантический компонент пропозиции адресованности подразумевает намерение субъекта пропозиции призвать объект пропозиции изменить ситуацию в выгодную для адресанта и для всех сторон: *«Оправдательный приговор PussyRiot – станет твоим покаянием»*.

В сверхфразовом единстве выделенная пропозиция предстает в виде реальной модальности в форме предиката будущего времени («ты решишь») *«Тебе предстоит решить земную судьбу трех девушек...»* и эксплицитного речевого акт призыва в форме глагола повелительного наклонения *«Решай, кем станут в твоей судьбе эти девушки: ангелами возмездия, которые тебя прогонят, или ангелами-хранителями, которые тебя спасут»*. В данном СФЕ присутствуют анафорические связи, развертывающие метафору антиномии «земного-божественного»: повтор пропозиционной части («предстоит решить-решай»), повтор реляционной части с помощью указательного местоимения: («судьбу трех девушек-в твоей судьбе эти девушки»). Метафора содержит концептуальную тему выбора в контексте всего текста: если судья В.В. Путин вынесет оправдательный приговор, то девушки станут его политическим спасением. В случае обвинительного приговора девушки станут тем ключевым событием, которое порушит

политическую карьеру. Это выражено в контекстуальном антонимическом противопоставлении «прогонят-спасут».

Метафора «тяжкий груз ошибок» многократно воспроизводится в тексте по отношению к адресату: *«Я знаю как тебе тяжело, как тяжело тебе нести груз совершенных за 12 лет ошибок, ошибок трагических, подчас роковых. Тяжело настолько, что ты их отрицаешь на корню, выставляя себя абсолютно безгрешным: «Ошибок с точки зрения выбора...развития, выбора способа решения проблем... не было!» – этими словами ты подвел итог первым двум срокам своего президентства. Я знаю, как тебе тяжело, потому что знаю по себе, как тяжек груз непризнанных ошибок, – я нес их в своем сердце пока публично не покаялся. В том числе в своей главной ошибке – я ошибся в тебе, Володя».* Использование лексических повторов заостряет внимание на данных словах и формирует негативный образ президента, совершившего множество ошибок, но не признающего в этом.

Кроме развернутой концептуальной метафоры в тексте присутствуют иронические компоненты, проявляющиеся на различных уровнях: это уже упомянутое «панибратское» обращение к официальному представителю власти «Володя», которое выступает в роли литотизирования образа адресата. В восстанавливаемом контексте рисуется метафорический образ главы государства как диктатора (*«Тебе предстоит решить земную судьбу трех девушек. И разделяет вас решетка: они на свободе – ты в тюрьме. Решай, кем станут в твоей судьбе эти девушки: ангелами возмездия, которые тебя прогонят, или ангелами-хранителями, которые тебя спасут. Твой обвинительный приговор – станет приговором самому себе. У диктаторов всегда так: не народ, а они сами выносят приговор себе»*). В синтаксическом плане это выражается в лексических повторах релятивной конструкции «*приговор самому себе*». Метафора тюрьмы рисует «диктатора-судью-Путина» как узника собственной власти, в то время как пропозиция «девушки из PussyRiot» являются его антагонистами, при том,

что внешне все выглядит не так. Ироническую окраску добавляют многочисленные синтаксические конструкции, который придают наставнический тон повествованию. В теории иронии есть концепция, в которой Автор текста всегда чувствует свое превосходство над описываемым им явлением. В том числе наставническая роль адресанта данного материала вызывает чувство насмешки, особенно в контексте развернутого метафорического образа. Часто повторяющиеся глаголы с модальностью сопереживания, понимания (конструкция «я знаю» с такой модальностью повторяется 4 раза) формируют у косвенного адресата (неограниченного круга лиц) образ диктатора, который запутался, не способен принять самостоятельно твердое решение, а значит не может быть лидером.

Таким образом, анализ данного материала показал широко развернутую метафорическую модель, в которой реализуется многослойность всей содержательно-подтекстовой и содержательно-концептуальной информации, что затрудняет полное понимание текста при невнимательном прочтении. В тексте присутствуют метафоры, раскрывающие концепцию христианских ценностей (милосердие, покаяние и др.), справедливого суда (приговор, оправдание, возмездие и др.) свободы и тюремного заключения. Через выразительные средства, синтаксические и лексические приемы создается образ адресанта-наставника, который обращается к своему прямому адресату с призывом вынести справедливое решение, так как в случае несправедливого решения, адресат сам понесет наказание за свои преступления. Иронический компонент, смягчающий косвенно упомянутые преступления, присутствует при формировании образа диктатора, не способного самостоятельно принять решение, которого ждет наказание, которые совершил большое количество ошибок, но не признается в них. Также насмешливый, наставнический тон всего повествования имплицитно выражает превосходство автора над своим прямым адресатом, снижая его социальной статус и моральные качества,

проводя цепочку наслаивающихся метафор, выражая таким образом свое отношение к адресату (Володя-ошибающийся диктатор-несправедливый судья).

Таким образом, анализ речевого материала показал, что воздействующая функция заключается в развернутом метафорическом образе, который содержит в себе иронический компонент: особая композиция спорного текста, эксплицитное понижение статуса прямого адресата, анафорические связи и повторяющиеся фреймы содержат суггестивный потенциал.

Анализ текста политического дискурса, который проходил лингвистическую экспертизу на выявление признаков разжигания межнациональной вражды⁷

Речевым материалом является текста поста в Живом Журнале, дополненным графическими изображениями, что позволяет назвать данный вид информации креолизированным текстом, который обладает дополнительной воздействующей функцией на адресата.

Адресантом является журналист и общественный деятель, который идентифицирует свое национальное происхождение, Антон Носик (*«Ко мне – как и к любому израильтянину – эта реплика относится лишь отчасти...»*).

Адресатом выступает обобщенный массовый читатель вне зависимости от того, разделяет подписчик взгляды блогера или категорически их отрицает.

Лексико-синтаксический анализ заголовка речевого материала (поста)⁸ показал, что пропозиция высказывания выражена в форме устойчивого фразеологического сочетания «Стереть с лица Земли»:

По данным «Большого фразеологического словаря русского языка», **СТЕРЕТЬ С ЛИЦА ЗЕМЛИ** – Жестоко расправиться, погубить, уничтожить.

⁷На данный момент текст находится в публичном доступе (<http://dolboeb.livejournal.com/2854350.html>) и отсутствует в реестре запрещенных материалов, так как наименования и индивидуализирующие признаки информационных материалов включаются в федеральный список экстремистских материалов в строгом соответствии с резолютивной частью решения суда.

⁸Стереть Сирию с лица Земли

Имеется в виду, что лицо или группа лиц, государство, желая другому лицу и другой группе лиц гибели, собирается истребить их, нанести им непоправимый вред, в т.ч. посредством полного разрушения населенных пунктов, городов или даже страны [Электр. ресурс]⁹.

Данное высказывание образует пропозиционно-релятивный комплекс, в котором непереходный предикат является главным по отношению ко второй части, которая выражена дополнением, указывающим, что именно может быть подвергнуто уничтожению: государство Сирия. В данном высказывании присутствует семантика косвенного призыва, которая выражена в инфинитивной пропозиции.

По смысловому наполнению речевое произведение можно условно разделить на три сверхфразовых единства, которые композиционно выделены в тексте тремя абзацами. После анализа идейно-смыслового содержания каждого сложного синтаксического целого можно будет перейти на более высокий уровень анализа – концептуальный.

План содержания первого СФЕ¹⁰ заключается в следующем: Адресант высказывания демонстрирует противостояние МЫ-ВЫ группы. МЫ-группа – это жители территории Израиля (*мне – как любому израильтянину, Сирия много лет была для нас потенциальным противником*), что выражено с помощью анафорических связей в предложении словоформой личного местоимением 1-ого лица, мн. числа и словоформой 2-ого лица мн. числа. ВЫ-группа – это государство Сирия, которое находится в военном конфликте с государством Израиль. Далее адресант высказывает свое личное

⁹ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/37984/%D0%9F%D0%BE%D1%8F%D1%81>

¹⁰ Ко мне — как и к любому израильтянину — эта реплика относится лишь отчасти, потому что Сирия много лет была для нас не потенциальным, а совершенно реальным военным противником, и знать про неё пришлось больше, чем хотелось. Кто б ни бомбил сегодня Сирию, я это горячо приветствую, а если её вообще сотрут с лица Земли — не огорчусь ни разу, только спасибо скажу. Сапрыкин давеча укорял меня за то, что я напрасно сравниваю Сирию с нацистской Германией, но с чем ещё сравнивать страну, в которой за места в первом после обретения независимости парламенте боролись национал-социалистическая партия и коммунисты, причём нацисты с огромным перевесом победили? С чем ещё сравнить страну, принявшую у себя беглых нацистских преступников, чтобы перенять их опыт геноцида?! За последние 70 лет Ближний Восток не видел от Сирии ничего, кроме агрессии, войн, людоедства, разрухи и горя. До 2011 года они весь этот ужас экспортировали в сопредельные государства, с 2011 года сами жнут ими же посеянную бурю. Так им и надо, и ни разу не жалко. Осталось только все выходы заминировать, чтобы не экспортировали джихад в Европу.

мнение, выраженное рядом оценочным предикатов, он относится положительно к военным операциям на территории «противника» (*Кто бы ни бомбил сегодня Сирию, я это горячо приветствую, а если ее вообще сотрут с лица Земли – не огорчусь ни разу, только спасибо скажу*):

БОМБИТЬ – Атаковать с воздуха, сбрасывая бомбы [Ожегов 2008: 56]

В придаточной части данного предложения форма сослагательного наклонения в данном случае имеет значение желательности наступления действий без конкретного субъекта действия, которое пропозиционально выражено фразой *кто бы ни бомбил*. В главной части субъективно-модальные оценочные предикаты с положительной коннотацией *приветствую, не огорчусь, спасибо скажу* в контексте всего высказывания выражают смягчение категоричности желания наступления подобных действий и не содержат призыва.

Также в данном предложении реализуется вырванный из контекста заголовок – *если ее вообще сотрут с лица Земли – не огорчусь ни разу*, с синтаксической точки зрения выраженный придаточным условия, что относится к ирреальной модальности: возникает значение обусловленности действия, а не его реализации. Анафорическая связь заголовка и контекста основного содержания статьи восстанавливает концептуальный смысл подзаголовка, который стирает потенциальность призыва к свершению каких-либо насильственных действий по отношению к государству Сирия.

С помощью приема ряда риторических вопросов, подкрепляемых повторяющимся началом, что усиливает эффект, с рядом экспрессивных высказываний и приема сравнения и аналогии автор добивается формирования резко негативного образа Сирии, так как массовое ментальное сознание русского человека отрицательно относится к упоминанию Национал-социалистической партии, так как для читателя это прежде всего враг, а не исторический факт, о котором он может объективно судить. Ряд негативно оценочных слов представлен в виде такого списка: нацистская Германия, нацисты, беглые нацистские преступники, опыт геноцида,

агрессия, войны, людоедство, разруха, горе, ужас, посеянная буря, заминировать, джихад. В компетенцию лингвиста-эксперта не входит исторический анализ событий, о которых пишет автор, но с точки зрения языковых фактов можно сказать, что обилие и плотность резко-негативных оценочных слов в небольшом сверхфразовом единстве усиливает конфликтогенность текста и формирует отрицательный образ предмета речи в сознании неподготовленного читателя за счет приема постепенного усиления (градации) семантических значений по степени общественной опасности (немецкий нацизм в прошлом «на протяжении 70 лет Ближний Восток не видел от Сирии ничего, кроме *агрессии, войн, людоедства, разрухи и горя*» и настоящем «... с 2011 года сами жнут ими же посеянную бурю»).

Следующее ССЦ контекстуально связано с предыдущим с помощью анафорических связей¹¹: синонимичными глагольными словоформами в прошедшем времени, но разной степени законченности действия (бомбил-отбомбились), выстраивается причинно-следственная связь тех событий, которые произошли в прошлом и имеют результат в настоящем времени с помощью эвфемизма «нацисты-немецкие кумиры», повторения временной принадлежности, связывающего два события (*...нацисты с огромным перевесом победили... За последние 70 лет Ближний Восток не видел ничего, кроме агрессии, войн, людоедства, разрухи и горя – избиратели Национал-социалистической партии Сирии получают ровно то, за что они проголосовали – как получили их немецкие кумиры 70 лет назад*). В целом ССЦ характеризуется наличием сниженной лексики, которое указывает на

¹¹Министерство обороны РФ хвастается, что наши самолёты козырно вчера отбомбились по сирийским целям — ну и ура. Что эти цели не имели никакого отношения к Исламскому государству, совершенно плевать. По целям Исламского государства коалиция уже сделала 9000 вылетов, и сделает ещё несколько раз по столько же, если потребуется. Любые бомбардировки гражданских объектов имеют один результат: они уничтожают ту страну, на территорию которой падают бомбы. Разрушаются дома, дороги, инфраструктура, гибнут жители. Избиратели Национал-социалистической партии Сирии получают ровно то, за что они проголосовали — как получили их немецкие кумиры 70 лет назад. Меня во всей этой истории радует то, что ВВС Израиля никак в ней не задействованы, и не тратят на боевые вылеты бензин, который в Израиле очень дорог. В России бензин подешевле, и есть какая-то высшая справедливость в том, что за уничтожение гражданской инфраструктуры Сирии платят сегодня россияне по дешёвке, а не израильяне задорого.

постепенное вхождение комического компонента в высказывание, который эксплицитно проявится в третьем СФЕ: *Министерство обороны РФ хвастается, что наши самолеты козырно вчера отбомбились по сирийским целям – ну и ура*. Комический компонент реализуется с помощью приема несоответствия субъекта пропозициональной части и действия, которое он совершает. Министерство обороны – государственный субъект, который уполномочен заявлять, а не хвастаться, что служит критической оценке действий субъекта и снижению его статуса:

ХВАСТАТЬСЯ – Хвалить самого себя или говорить о себе с излишне похвальбой [Ефремова 2000]

КОЗЫРНО – (сниж.) Отлично, хорошо [Елистратов 2005: 93].

Третья часть речевого материала¹² является заключительной и композиционно имеет закольцованную форму: весь текст строится как ответ на комментарий другого известного блогера, приведшего в пример сравнение двух шедевров живописного искусства. В третьей части в ответной форме производится заключение обо всем вышенаписанном. Она анафорически связана с двумя предыдущими сверхфразовыми единствами с помощью контекстуальных словоформ (бомбил-отбомбились-бомбардировкам), (Сирия-сирийцы), (Национал-социалистическая партия, проголосовали – нехуй было за нацистскую партию голосовать).

Третья часть имеет ряд особенностей, которые отличают ее от предыдущих:

1) Начало фразы семантически отграничивает содержательную часть последнего отрывка, несмотря на наличие анафорических связей, с помощью вводной конструкции «*безотносительно к вышесказанному*»:

¹²Безотносительно к сказанному, я не готов сказать, чем живопись Мантеньи круче полотен Ван Эйка. Но могу проиллюстрировать пост картинами обоих, что и делаю. А сирийцы пусть готовятся к новым бомбардировкам: нехуй было за нацистскую партию голосовать и геноцид христиан в Ливане устраивать. Хуячь, Владимир Владимирович, ковравыми, не стесняйся, bemyguest. А что дети, которые погибли при бомбёжках, с тебя на том свете спросят, зачем ты их убил — лично я в загробную жизнь не верю, так что просто прими иудаизм и расслабься, не спросят они тебя ни о чём. Придёт Машиах, и все, кому положено, воскреснут, включая сирийских детей. И никаких глупых вопросов задавать не будут, а отправятся навеки в Эдемский сад.

БЕЗОТНОСИТЕЛЬНО – 2. В сочетании с предлогом «к». Независимо от чего-н., без отношения к чему-н. [Кузнецов 2000: 68].

2) Наличие ненормативной нецензурной лексики, которая относится к сквернословию: *«нехуй было за нацистскую партию голосовать»*. В контексте всего предложения Ненормативная лексема означает «Не надо было», как обвинение сирийского народа в последствиях того, что сейчас происходит на их территории.

3) *«Хуячь, Владимир Владимирович, ковравыми, не стесняйся, betyguest»*. Данное предложение содержит в себе сложную семантическую структуру. Во-первых, оно содержит конкретный призыв-обращение к главе государства, главнокомандующему армией РФ, которому подчиняется упомянутое в предыдущем отрывке Министерство обороны, выполняющее действие, несоответствующее его статусу (реализация комического компонента, как было сказано выше). Комизм усиливается за счет формы призыва: обращение к президенту как официальному государственному лицу происходит с помощью употребления ненормативной табуированной словоформы в виде глагола повелительного наклонения, второго лица, единственного числа, что снижает его статус. Контекстуально значение с помощью принципа дополнительности словарного описания и анафорических связей с глаголом бомбить, восстанавливается как «хуячь-бомби», дополняя призыв оценочным предикатом в виде сказуемого, выраженного глаголом второго лица единственного числа «не стесняйся». В конце автор иронично добавляет фразу на английском языке. По данным словаря английских слов и выражений высказывание означает «будь моим гостем». Автор использует каламбур и иронию: адресантом в статье является он, но играет со смыслами, становится жителем Сирии, зовущем к себе в гости для смерти. Таким образом, автор насмехается над ситуацией, а не явно призывает к совершению экстремистских действий против лиц другого государства. Экстремистский потенциал в данном высказывании отсутствует.

4) Еще одной особенностью заключительного отрывка является добавление художественного средства, усиливающего воздействующую функцию на адресата речевого высказывания. За счет приема развертывания метафоризации конфликтогенный потенциал текста ослабевает, так как информация становится не только фактологической (содержащей факты или мнения самого автора) и аналитической (суждения и выводы) с добавлением модально-оценочной в экспрессивной форме, увеличивающей негативный потенциал, но становится конкретно-образной. Метафорический образ, исходя из содержательной части сверхфразового единства, позволяет выделить концепт «Религия». В свою очередь, содержательно-концептуальная информация, выраженная в семантических и структурно-синтаксических единицах (*с тебя на том свете спросят, загробная жизнь, иудаизм, Машиах, воскреснут, Эдемский сад*) позволяет выделить структурный фрейм «Второе пришествие» и слоты «Наказание», «Воскресение». Таким образом, в данном метафорическом единстве имплицитно выражена позиция автора о том, что президент лично является виновником гибели невинных жертв (*ты (Владимир Владимирович) их убил*) и ему предстоит наказание за те военные действия, которые ведутся на территории сирийского государства. Усиление воздействующей функции является эстетически мотивированной, так как, помимо развертывания метафорического образа, в начале отрывка упоминаются шедевры мировой живописи. Это ослабляет негативную экспрессию и уменьшает конфликтогенность текста.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Таким образом, использование как можно большего количества различных методов анализа спорного текста дает возможность объективно подойти к исследованию материала. Спорные тексты потенциально экстремистского характера не всегда однозначно трактуются, поэтому полный концептуальный анализ, основанный на когнитивном подходе

является самым актуальным. Использование различных подходов позволяют выявлять содержательно-концептуальную информацию. Как показывают материалы религиозного дискурса, особый акцент лежит в смешении профанного и сакрального, в политическом дискурсе особую роль играет иронический компонент с темой превосходства автора над предметом оценки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования было доказано, что оценочность является основным стилеобразующим фактором современных медиатекстов. Восприятие содержательно-концептуальной информации в медиатекстах определено семантическими, текстообразующими и модусными компонентами.

В свете свободы доступа к любому типу информации возникает проблема правового аспекта распространения и реализации информации как когнитивной способности индивида. Текст (в частности, медиатекст) содержит в себе не просто набор высказываний, а последовательное раскрытие мыслей. Исходя из постулата о том, что образ кодирует сознание, когнитивное истолкование речевого материала носит сугубо субъективный характер и не подлежит верификации. Поэтому любое оценочное высказывание обладает воздействующей функцией, которая уменьшается или увеличивается благодаря тем или иным языковым средствам. Только объективное исследование спорного текста, проведенное экспертом, руководствующимся научной базой, а не внутренним убеждением, может служить убедительным доказательством в суде, а не средством манипуляции.

Существует ряд речевых признаков, которые позволяют обоснованно и объективно трактовать содержательную сторону высказывания: при когнитивно-дискурсивном анализе возможно выявление реализации лексемы в определенном контексте, композиционная структура так же имеет суггестивную функцию. Практическое применение лингвистических знаний на базе экспертной деятельности дает возможность по-новому взглянуть на языковые факты не только как на сложившиеся структуры, но и на их реализацию в речевой коммуникации. В языке возникают новые значения еще не успевших уйти в небытие семантических компонентов, на них

прирастают новые значения и смыслы, которые возможно увидеть исходя только из контекстов современной речи.

В ходе рассмотрения специфики реализации текстообразующих и семантических компонентов было выявлено, что в коммуникативном действии происходит когнитивная актуализация компонентов сознания адресанта, что производит перлокутивный эффект. Он создается благодаря воздействующей функции, которая выражена с помощью различных маркеров. Лексико-грамматическая и стилистическая выраженность модальности речевого высказывания приводит к субъективному оценочному восприятию (так, прием парцелляции увеличивает суггестивный потенциал, использование контекстуальных антонимов и синонимов реализует комический прием несоответствия). Более высокий, концептуальный уровень возникает благодаря психолингвистическому аспекту реализации лексем в речевом произведении, что позволяет говорить о когнитивно-дискурсивном подходе к анализу (так, прием развертывания метафорического образа, пронизывающего весь текст, обладает воздействующей функцией на уровне ассоциативного восприятия в связи с концептосферой адресата).

Специфика медиатекста заключается в увеличении конфликтогенного потенциала за счет ухода от традиционной информативной функции к воздействующей и оценочной. Это проявляется на различных уровнях языка. В частности, во избежание ответственности за свои речевые действия, адресант использует компонент комического, который глубоко субъективен и имеет неоднозначный перлокутивный эффект. Данный психолингвистический аспект не представляется возможным верифицировать, но когнитивно-дискурсивный анализ позволяет отнести то или иное речевое произведение к какому-либо жанру комического, который имеет ряд своих особенностей, усиливающих или ослабляющих негативный потенциал воздействия на адресата. Так, по степени воздействия жанры «шутка», «юмор» на психолингвистической шкале занимают место мягкого проявления комического, а «стёб» и «издѣвка» имеют более агрессивный

потенциал. Тем не менее, простого лексико-семантического анализа недостаточно для объективного анализа конкретного речевого высказывания, имеющего определенный контекст. Он реализуется за счет разнообразных языковых средств, смягчающих или усиливающих конфликтность в жанрах, что позволяет говорить о периферийности комического в концептуальной реализации замысла автора.

Концептуальная информация спорных текстов религиозного дискурса создается с помощью разнообразных языковых средств и приемов, в большей степени определяется ироническим компонентом в результате смешения профанного и сакрального осмысления явлений действительности. Так, в некоторых проанализированных речевых материалах религиозного дискурса не обнаруживается экстремистский потенциал, несмотря на эксплицитно выраженные маркеры. Языковые средства выражения оценочности контекстуально смягчают агрессивный потенциал. Иронический компонент также реализуется в нарушении логико-смыслового (семантического) единства текста, выраженного в резких сменах темы, что на текстовом уровне позволяет говорить о нарушении явления когезии.

В текстах политического дискурса в языковом плане реализуется чувство превосходства адресата над объектом оценки с помощью разнообразных комических средств, ослабляющих конфликтную экспрессию высказывания. Так, адресанты используют различные формы номинации, понижающие общественный статус прямых адресатов. Развернутые метафорические образы контекстуально содержат в себе побудительный наставнический тон, реализующийся, как правило, в группе предикатов повелительного наклонения. По сравнению с текстами религиозного дискурса подобные речевые высказывания содержат в себе последовательный ход мысли без нарушения логико-смыслового единства.

На основе материалов исследования было выявлено, что общими признаками речевых высказываний обоих типов дискурса выступают

элементы комического, используются прием несоответствия, каламбура, чрезмерного употребления обценной лексики.

Отличительными признаками религиозного дискурса стали оценочность, выражающая эмоциональное отношение к явлению действительности, невысокая содержательно-фактуальная информация и наличие непрямого адресата, который является объектом оценки. Адресат в таких текстах выражен либо имплицитно, либо не выражен в силу абстракции самого объект оценки. В политическом дискурсе преобладает рациональная оценка, подкрепленная отсылками на те или иные действия адресата высказывания. В этом типе текста адресат выражен эксплицитно в синтаксическом плане в составе прямого обращения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов [Текст] / Под ред. М.В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический мир, 2006 [Серия «Библиотечка юриста СМИ»]. – 112 с.
2. Араева, Л.А. Языковая личность экстремиста (о специфике автороведческой экспертизы по криминальным проявлениям экстремизма) [Текст] / Л.А. Араева, М.А. Осадчий // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2008. – С. 182-193.
3. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
4. Арутюнова, Н.Д. Аномалии и язык [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3-19.
5. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1981. – Т. 40. – №4. – С. 356-367.
6. Бабушкин, А.П. «Эффект испорченного телефона» в понимании и интерпретации речевого высказывания [Текст] / А.П. Бабушкин // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – №2. – С. 11-14.
7. Базылев, В.Н. Конфликтные ситуации в сфере политико-правовой коммуникации [Текст] / В.Н. Базылев // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2000. – С. 140-147.

8. Балакина, Ю.В. Блоги – новое явление в текстовой лингвистике [Текст] / Ю.В. Балакина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 100-103.
9. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика [Текст] / А.Н. Баранов. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 592 с.
10. Бельчиков, Ю.А. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: сборник материалов [Текст] / Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, И.В. Жарков. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. – 208 с.
11. Бринев, К.И. Лингвистическая экспертиза: справочные материалы [Текст] / К.И. Бринев, О.Н. Матвеева. – Барнаул: СИБАЛЭКС, 2012. – 24 с.
12. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография [Текст] / К.И. Бринев / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
13. Бринев, К.И. О презумпциях лингвистической экспертизы: конфликтные высказывания на шкалах «сведение/мнение», «утверждение/предположение», «оценка/факт» [Текст] / К.И. Бринев // Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2005. – С. 157-173.
14. Бринев, К.И. Юридическая лингвистика и лингвистическая семантика (на материале категорий «сведение» и «мнение», «оценка», «факт») [Текст] / К.И. Бринев // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2008. – С. 194-210.
15. Булыгина, Е.Ю. Признаки экстремистского текста: классификация «конфликтоопасных» языковых средств и авторских приемов [Текст] / Е.Ю. Булыгина, М.А. Лаппо, Т.А. Трипольская // Юрислингвистика-

9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2008. – С. 113-124.

16. Волобуева, Ю.С. Соотношение категории оценки и лексического значения слова [Текст] / Ю.С. Волобуева // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2007. – С. 319-322.

17. Вольф, Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции [Текст] / Е.М. Вольф // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1998. – С. 124-143.

18. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Вступ. Ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой [Текст] / Е.М. Вольф. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2006. – 280. (Лингвистическое наследие XX века.)

19. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – 5-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

20. Глушак, В.М. Роль эмоций в структуре речеповеденческих модусов [Текст] / В.М. Глушак // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 50-57.

21. Голев, Н.Д. Обценная лексика в игровом аспекте (на материале русского лингвистического фольклора) [Текст] / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-6: инвективная и манипулятивная функции высказывания: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2005. – С. 185-223.

22. Голев, Н.Д. Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов) [Текст] / Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2002. – С. 29-41.

23. Голев, Н.Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка [Текст] / Н.Д. Голев, О.В. Головачева // Юрислингвистика-6:

инвективная и манипулятивная функции высказывания: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2005. – С. 123-130.

24. Голованова, А.В. Анализ оценочной модальности при проведении лингвистической экспертизы [Текст] / А.В. Голованова // Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2005. – С. 209-216.

25. Гудовских, Д.В. Анализ эмотивности текстов на основе психолингвистических маркеров с определением морфологических свойств [Текст] / Д.В. Гудовских, И.А. Молошников, Р.Б. Рыбка // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – №3. – С. 92-97.

26. Демьянков, В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации [Текст] / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР Сер.лит. и языка, 1980. – №4. – С. 336-346.

27. Дземидок, Б. О комическом [Текст] / Б. Дземидок. – М.: Прогресс, 1974. – 224 с.

28. Доронина, С.В. Сведение и мнение: проблема экспертной оценки переносных и экспрессивных значений [Текст] / С.В. Доронина // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2008. – С. 266-274.

29. Егорова, М.А. Отклики и оценочные комментарии при компьютерно-опосредованной коммуникации [Текст] / М.А. Егорова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 15-20.

30. Елистратов, В.С. Толковый словарь русского сленга: свыше 12000 слов и выражений: арг, кинемалогос, жаргоны / В.С. Елистратов. –

М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. – 669 с. – (Программа «Словари XXI века». Словари русского языка).

31. Жельвис, В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема [Текст] / В.И. Желвис. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Ладомир, 2001. – 352 с.

32. Жельвис, В.И. Распространение порочащих слухов: поиски путей уклонения от судебного преследования [Текст] / В.И. Жельвис // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2004. – С. 146-153.

33. Жельвис, В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия [Текст] / В.И. Жельвис // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2000. – С. 194-205.

34. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 308 с.

35. Казак, М.Ю. Специфика современного медиатекста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml> (дата обращения: 17.01.2017)

36. Кара-Мурза, Е.С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии [Текст] / Е.С. Кара-Мурза // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2010. – С. 123-135.

37. Карымсакова, Р.Д. Коммуникативные помехи и языковая игра (к проблеме речевого конфликта) [Текст] / Р.Д. Карымсакова // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2008. – С. 174-181.

38. Кашкина, О.В. Негативная форма самооценочных высказываний и их функция [Текст] / О.В. Кашкина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 67-75.

39. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст] / А.Е. Кибрик. – М.: КомКнига, 1992. – 156 с.

40. Ким, Л.Г. Множественность интерпретации как конфликтнопровоцирующий фактор (на материале одного объявления) [Текст] / Л.Г. Ким // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2007. – С. 131-136.

41. Кишина, Е.В. Манипулятивное функционирование концептов «свой» и «чужой» в СМИ [Текст] / Е.В. Кишина // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2007. – С. 136-140.

42. Кишина, Е.В. Функционирование концептов «МЫ», «ОНИ» в политических дискурсах разных исторических формаций [Текст] / Е.В. Кишина // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2010. – С. 124-130.

43. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учебник [Текст] / И.М. Кобозева. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с. (Новый лингвистический учебник.)

44. Кобозева, И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ [Текст] / И.М. Кобозева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/> (дата обращения: 13.03.2017)

45. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура текста [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

46. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.

47. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Отв. Ред. А.М. Шахнарович. Предисл. С.И. Мельник и А.М. Шахнаровича / Г.В. Колшанский. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

48. Краснянская, Т.И. К обоснованию понятия «напряженность слова» в судебной коммуникации [Текст] / Т.И. Краснянская // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2010. – С. 33-45.

49. Кронгауз, М.А. Семантика: задачи, задания, тесты: учеб. пособие [Текст] / М.А. Кронгауз. – М.: Академия, 2006. – 256 с.

50. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

51. Кудряшов, И.А. ИмPLICITные смыслы как лингвистическая основа разграничения факта и мнения в рамках независимых региональных печатных СМИ [Текст] / И.А. Кудряшов // Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2005. – С. 237-245.

52. Кузьмина, Н.А. Современный медиатекст: учебное пособие [Текст] / Н.А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.

53. Кузьминская, С.И. «Образ врага» в современной политической мифологии [Текст] / С.И. Кузьминская // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 49-52.

54. Ломов, А.М. Имена собственные и языковая игра [Текст] / А.М. Ломов, А.П. Бабушкин // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. - № 2. – С. 158-161.

55. Ломов, А.М. Каламбур как вид языковой игры: механизмы образований [Текст] / А. М. Ломов, А.П. Бабушкин // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – №1. – С. 16-19.

56. Мурясов, Р.З. Опыт анализа оценочного высказывания [Текст] / Р.З. Мурясов, А.С. Самигуллина, А.Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 2004. – № 5. – С. 68-78.
57. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений [Текст] / Отв. ред. В.А. Успенский. Изд. 6-е, испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 296 с.
58. Падучева, Е.В. Модальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.ru/Модальность> (дата обращения: 15.02.2017).
59. Петрова, О.А. Сведения и мнения в оценочной метафоре [Текст] / О.А. Петрова // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2010. – С. 421-423.
60. Пригарина, Н.К. Оценки как средство манипуляции в политическом дискурсе [Текст] / Н.К. Пригарина // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2007. – С. 164-168.
61. Пугачева, О.В. Коммуникативная полярность речевых актов упреков и самопохвалы и средства их экспликации [Текст] / О.В. Пугачева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 134-139.
62. Рахимбергенова, М.Х. Оценочные стратегии в создании образа этнически чужого на страницах российской прессы [Текст] / М.Х. Рахимбергенова // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2007. – С. 174-179.
63. Россинская, Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник [Текст] / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. – 384 с.

64. Рубакин, Н.А. Тайны успешной пропаганды [Текст] / Н.А. Рубакин // Речевое воздействие. Проблемы прикладной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 130-135.

65. Стернин, И.А. Выявление признаков возбуждения и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: «Гарант», 2010. – 20 с.

66. Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / И.А. Стернин, З.Д. Попова. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.

67. Солдатенкова, Т. К проблеме классификации языковых средств и значений субъективной модальности [Текст] / Т. Солдатенкова, Р. Вергауен // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. - № 2. – С. 162-170.

68. Сперанская, А.Н. Оскорбление словом в обыденном и правовом сознании носителя русского языка [Текст] / А.Н. Сперанская // Юрислингвистика: Проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов / Под.ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 90-98.

69. Фенина, В.В. Ирония в обыденном политическом дискурсе (на материале интернет-комментариев пользователей сайта «Эхо Москвы») [Текст] / В.В. Фенина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 1. – С. 29-34.

70. Фрумкина, Р.М. Психоллингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.

71. Чернышова, Т.В. О пределах экспрессивности оценочных суждений в публичном тексте [Текст] / Т.В. Чернышова // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2008. – С. 367-371.

72. Чернышова, Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией

высказывания [Текст] / Т.В. Чернышова // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвузовский сборник научных трудов / Под.ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 42-54.

73. Шилихина, К.М. Метафора и ирония [Текст] / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 39-42.